

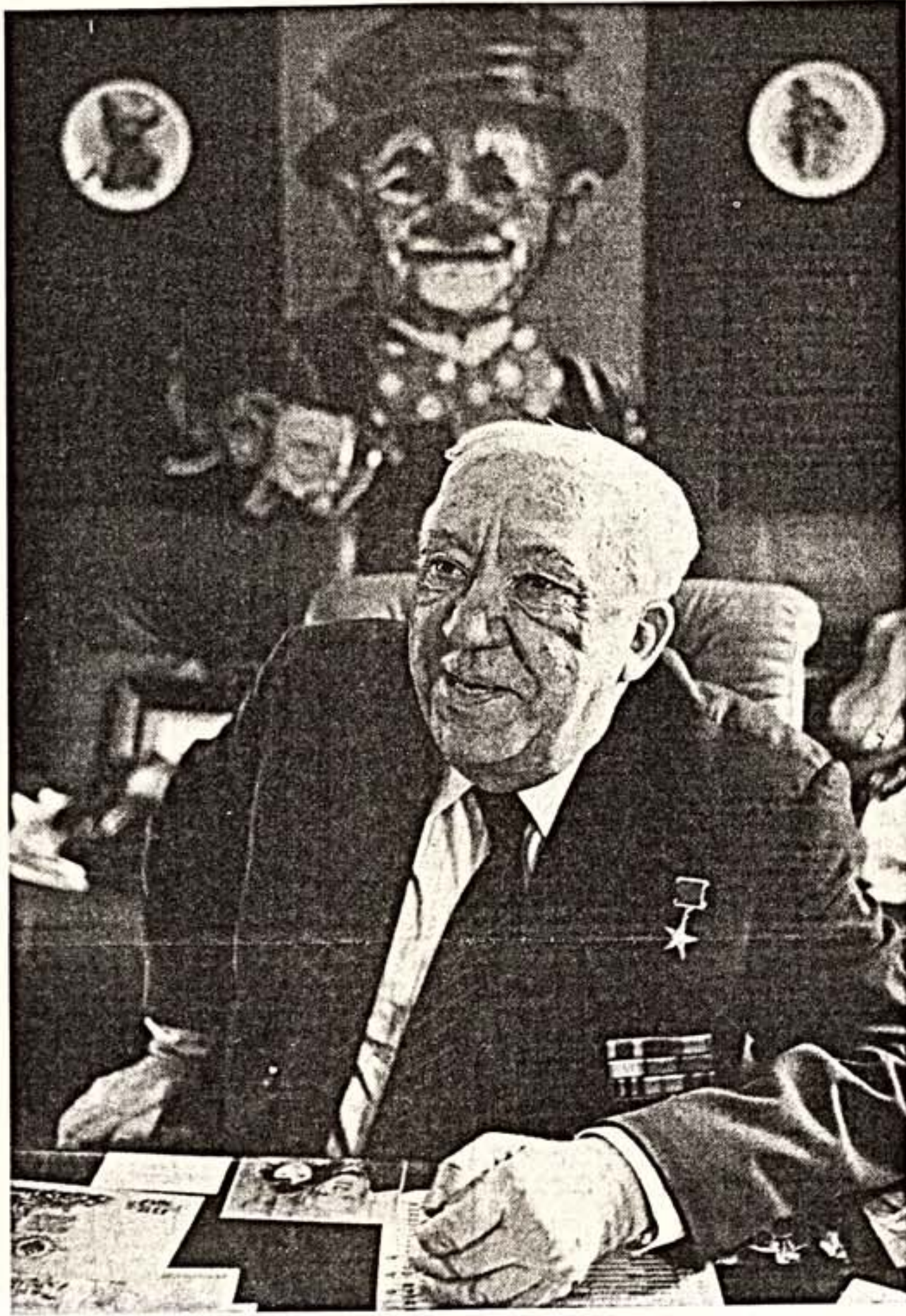
У каждого поэта есть проекция. Она ему ошибки и грехи, все желкие обиды и провинности крошечки за правдым стажи. И у меня есть тоже мизантропия, на карту не внесенная, одна, суровая моя и открывшая далекая проекция — Война... Семен ГУДЗЕНКО.

ОПЯТЬ ВЕСНА НА БЕЛОМ СВЕТЕ...

Последний праздник Советского Союза

Кто-то сказал: умный — это такой человек, который найдет выход из любой самой сложной ситуации, в которую никогда не попадет мудрый. Странный у нас получился праздник. Странный. В Москве прошло два только официальных парада. А был еще третий — то ли парад, то ли демонстрация, то ли митинг. Организаторы этих мероприятий хотели выйти как-то из сложного положения, в которое они попали из-за нашего промежуточного, из-за нашего маргинального состояния — где-то между тоталитарной империей и нормальной свободной страной. Политические деятели метались между столицами, парадом и приемами, как будто нечеловечески нашего Маковского: «Она на двух заседаниях сразу. Одна половина здесь, а другая — там». Войну вспоминали все и часто, но кто-то по-разному: один — как подвиг, другой — как гора, третий — как трагическую бессмыслицу. Чуть ли не в каждой столице бывшего СССР проводили свои парады — не хуже чем в Москве. А если не проводили, то тоже как бы с вызовом. И самое страшное: пока мы праздновали окончание войны, иная война еще шла. Идет и сейчас. И неизвестно, когда окончится, потому что умные правители все еще ищут выход из этой сложнейшей ситуации. Но понимая, что праздник вышел странным, задумываемся. То, что люди получили возможность выразить свое собственное, отличное от официального, мнение, неправично. Но не лучше ли, чем экономические по приказу? Правда о войне не лучше ли, чем умолчания или прямая фальсификация? Уважение, оказанное нам правительствами стран антигитлеровской коалиции, все же не иное ли отношение, чем явное пренебрежение, проявленное год назад во время празднования открытия второго фронта? Не всем у нас нравятся эти — прошу прощения за слово — парадизмы. Господа из правительства хотели бы, чтобы о параде-митинге у нас

у всех было одно-единственное мнение. Товарищи из оппозиции хотели бы, чтобы одно-единственное мнение было у нас о правительстве и Президенте. Праздник получился странным, потому что и первым, и вторым хотелось выглядеть красиво. Кому — в глазах зрителей, коллег и собственных избирателей, кому — в глазах единомышленников. И избирателей тоже. Но какими бы ни был он странным, праздник все-таки получился. Потому что если присмотреться, то два эти силы — власть и оппозиция — как бы ни транслировалось (или не транслировалось) их телевизионные, как бы ни старались быть на виду, все же не были на этом празднике главными. Главными были ветераны — казалось, вся страна, устыдившись, наконец, оказала им знаки внимания. Главными были их дети и внуки — казалось, они вспомнили в этот день, кому обязаны жизнью. И поскольку большинство нашего населения — это дети, внуки и правнуки тех, кто создавал Победу, то оно, население, обыватели и стали главными. Они не были так озлоблены, как руководители митинга в Лубянке, и не были так явно и торжественно важны, как те, кто стоял на Мавзолеве. И вот не кто-то а все надежда. На тех, кто, научившись думать самостоятельно, не допустит к власти озлобленных и пристрастных доводящих собою. Если, конечно, не дадут себя обмануть еще раз. Но праздник именно показывал, что уже очень многие из просто умных становятся мудрыми. Они не хотят оглядываться на прошлое и не хотят углублять и углублять его извощениями не хотят ни за что. Они не хотят политических драм, но и обмануть себя не дадут. Они не хотят жить «между», но не хотят быть маргиналами. И не хотят попадать в сложные ситуации, из которых им не раз уже выбираться, теряя самых лучших тысячами и миллионами. Они хотят просто жить. Мирно. Без войн. По-человечески. Оскар КУЗНЕЦОВ.

Для меня это святой праздник. Не думал, что доживу до 50-летия Победы. Однако дожил. И это вселяет оптимизм. Хочется верить: буду отмечать еще такие же светлые дни. Через газету хотел бы передать добрые слова и поздравления всем фронтовикам, ветеранам, работникам культуры и искусства, кто вернулся с фронта и живет в России. В этот великий День еще раз вспомнил тех, кого нет с нами, кто остался на полях сражений во имя живущих ныне. Помянем их души.

Юрий НИКУЛИН. 1995 год.

Фото Н. Самойлова.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Утро началось с парада. Те, кому повезло, кто сумел прожить все страшные 1418 дней войны, вышли на Красную площадь.

Даже в одиночных мундирах, даже в одинаковых, купленных по случаю праздничных костюмах, они были разными. И все-таки в них было что-то общее, печать тех, никак, кроме них, непонятых дней...

В Государственном музее Великой Отечественной войны, где с потолка свисают красивые знамена с вышитыми надписями «За нашу Советскую Родину» и «Смерть немцам оккупантам», в заль

стен — стенды с фотографиями и стенды с оружием, в музее, только что открытом, где стояла густая тишина, помолкой человек с сумой, острым лицом, с наградами на коричневом плащике, вдруг громко сказал, ни к кому особенно не обращаясь: — Не вернется! И повторил: — Ну не вернется, и все! А объяснил только после настойчивой просьбы: — Что прошло пятьдесят лет, а я — живой! Я и на ней, дай Бог, влюбану. И живой! Он развода руками, он громко говорил, пытаясь объяснить радость, и никак не мог. Его зовут Николай Яковлевич Топтух. Родился на Украине. Когда началась война, ему

было пятнадцать лет. Через два года, когда исполнилось 17, пошел на фронт. После войны оказался в Москве (Здесь невесту нашел. Через шесть месяцев и двенадцать дней поцеловал!), здесь и остался. У него 45 лет трудового стажа и пенсия. — Я говорил маме: почему я такой несчастливый! А мама мне сказала: где твои товарищи, сынок! Ты мне скажи, где твои товарищи, которых ты провозвал на войну? Где другие, с которыми воевал? Почему же ты несчастливый!..

Вдоль Кутузовского проспекта стояли люди. Они стояли сплошной стеной до Трумановой арки и за ней. А по проспекту шла военная техни-

ка. На бэттраках сидели солдаты с науськой прижатыми к груди автоматами. Над танками возвышались командиры в шлемах. Проспект заволновало сизым дымом соларки.

На гранитном столбике чугунного ограждения стоял человек с телекамерой. Рядом, на самой ограде, примостился другой, что-то токовал в микрофон. Часть слов можно было разобрать: — После недолгого перерыва опять на улицах Москвы появились танки... Передний танк почему-то остановился. За ним остановился второй, третий. На другой стороне проспекта они тоже остановились. Выткнулись в две длинные (показалось — бесконечные) цепи, отделившие людей от проспекта. Слова радиорепортера и эти длинные молчаливые веренища грозных машин, их непонятное молчание слились в одно острое, тревожное предчувствие. Напоминание...

Возвышавшийся и над вереницей людей, и над вереницей танков человек с телекамерой, (Ожидание на 2-й стр.).

Кинематограф больших шляп В ЯРОСЛАВЛЕ ПРОШЕЛ VII ФЕСТИВАЛЬ «СОЗВЕЗДИЕ»

В автобусе, едущем обратно из Ярославля в Москву, я познакомилась с Александрой Николаевной. Она ее лицо показало мучительно знакомым. Кто-то назвал «Александра Невского» — и я вспомнила: русская красавица с иконописным ликом, дающая длинными косами — мраморное изваяние из плоти и крови. Из-за нее еще соперничают два богатства — Охлопков и Абрикосов, и она говорит, что отдаст руку и сердце тому, кто победит в борьбе с псами-рыцарями.

Господи, неужели это она! Сколько же лет прошло! Но не согнулся ступ, и какой-то еще блиск в глазах, особое достоинство русского актера — на тех еще, от Островского, от Ермоловой, от Марии Савиной. Она попросила остановить автобус у метро «Белорусская-окружная», и только этим непривычным словом невольно выдвинула свой возраст и свою независимость. Да бог с ней, с современностью!

Я смотрела на нее и думала — какое богатство имело и имеет. Какое богатство — лич, имен, фигур. Галантно — это все советское кино. Бывшее, как теперь обычно говорят. Но раз в год, когда находят деньги, как правило, неожиданные, шляпные, актеры (фильма актеров кино России) устраивает себе праздник — фестиваль «Созвездие». В этот раз в Ярославле он прошел в седьмой раз — а первый был, следовательно, семь лет назад, в городе Твери. Тогда еще Ке-

релинне, и как раз именно во время фестиваля город как-то неожиданно и плавно стал из Калинин Тверью.

Я не была на том фестивале — не случилось. И вот теперь, на открытии в Ярославле, смотрю хронику того, первого, тверского «Созвездия» — и опять щемит сердце: говорят, семь лет не в счет, есть даже такая книга, но, боже мой, сколько же лиц мы уже недосчитались из тех, что прошли перед нами на экране! Семь лет для человеческой жизни — много, ужасно много, тем более для хрупкой, актерской жизни.

А еще — ведь тогда, в 90-е, еще был Советский Союз, еще рядом стояли колотные, сдержанные прибалты и армяне, разноцветные среднеазиатцы и кавказцы. И никого это не удивляло. И казалось естественным и нормальным — эта пестрая гамма национальных костюмов. А вот сегодня, в Ярославле, прямо-таки ошарашивают единственному грузину. Как Созвездие (памятнику Абдулле из «Белого солнца пустыни») который с переломанной ногой приехал из Тбилиси возглавлять жюри VII фестиваля «Созвездие». Из Тбилиси и вообще — сегодня добраться до Москвы проблема — границы, визы, самолеты, в ту же неожиданная трагедия Но не прелесть, как видно, он не мог. И ему вплотную. Так же, как нашей любимице Лилите Озолиня («Долгая дорога в дюнах») из Латвии, Эве Квин из Эстонии, Николаю Оляну из Киева — ведь это все наше советское кино, и нигде оно не девалось.

Просто напуганный ребенок в какой-то момент рассыпал кубики, и как их теперь собрать! Увы, отчетливо понимая, что разбитую игрушку не склеишь — все равно она останется искалеченной. Говорят, в доме нельзя держать разбитую посуду — это и несчастье. Как же нам быть с советским кино!

Здесь были все или почти все — мелкая лица знакомые и совсем неизвестные, конечно, но каждая знаменитость приходилось с пятном незначительности. Здесь все было куда будничнее, скромнее, актеры ездили по городам и селам и работали, как черт. Для украинцев, например, с их купонами, это был еще и значительный заработок в российской валюте, и президент Гильдии актеров Украины Инна Ильина умело руководила своей большой командой: надо же помочь ближнему. (Кстати, актеры, в том числе и русские, и самые некогда знаменитые, живут сегодня в нищете — Антонина Шурнова, например, существует изготолением каких-то корбочек, а сколько убогих покорон то и дело обрушивается на актерскую братию!)

Ну, а фильмы! Фильмы были все те же, о которых наше газета уже не раз писала — «Утомленные солнцем», «Железный занавес», «Подмосковные вечера», «Лимит», «Дикая любовь», «У поля была собака».

Были, конечно, и новые картины. Среди них такие, которые я обозначила для себя, как «кинематограф больших шляп». Фирма венков не вяжет, и сегодня в кино кинотеатры денег не считают. А это значит, что и едайте нам красивых живчиков на буржуазных ландшафтах. Убогий сюжет фильма «Квадрат» с большим амбициями развивается в некоем коммерческом ресто. рана. Шклерно одетая героиня постоянно и нервно курит — что всегда плохой признак! актриса или не умеет, или ей просто нечего играть. Здесь, пожалуй, и то, и другое. Борьба между двумя женщинами идет из-за героя Косто. лавского — но ни в нем, ни в его игре тоже ничего хорошего нет. Зато интерьеры!

Весь переплюнул по роскоши и изысканности фильм (по книге Пинчул) — «Бульварный роман». Здесь тебе и модерн, и начало века, и жестокая драма любви бедной еврейки и бога. тому студенту, и наконец, пышный судебный процесс с убийством. Но — шляпы! Какие у героини шляпы! Это, а вам доложу, отдельная материя. Желко хорошие актеры — Тихонова и Русланова, которые среди шляп тесно: но их режиссер не обращает никакого внимания. Главное — это какие шляпки нового фасона носят старые, одряхлевший мир... «А героиня «Александра Невского» скромно взяла свой фибровый чемоданчик и сошла на станции «Белорусская-окружная». Еще один фестиваль в ее жизни тихо закончился. Валентина ИВАНОВА. ЯРОСЛАВЛЬ — МОСКВА.

ТРЕТЬЯКОВКА НА ПОКЛОННОЙ

Невероятно, так и должно быть — первой в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 годов должна была выступить прославленная наша сокровищница отечественного изобразительного искусства — Третьяковская галерея. И она выступила прекрасной выставкой «Победа», на которой собралась, пожалуй, всю батальную классику о прошедшей войне, все трюманные, хорошо знакомые полотна. Но собранные здесь и

показанные в дни всеобщего юбилейного ликования они смотрятся во сто крат иначе, дороже, значительнее. От знаменитых «Юнон ТАСС» и «Боевого карандаша», от плакатов первых дней войны, от фронтальных рисунков А. Сойфертиса, С. Урановой и К. Оберныби до монументальных полотен П. Корина, А. Дейнеки, С. Герасимова, Курдюмкинских и многих других известных живописцев, графиков и скульпторов. На только тех, кто прошел во-

енными дорогами, кто видел разрушение и страдание людские. Но и мастеров более позднего поколения, и совсем уж наших современников, узнавших о войне из книг и кино. Конечно же, в эти залы вместе очень немногие, кто имеет Третьяковку, некоторые другие музеи. Но то, что здесь представляется, зримо, возмужанно говорит о трагедии войны, о славе Победы, о победителе — советском сол-

Е. КОНЧИН.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

(Окончание. Начало на 1-8 стр.)

сплохонько сидел. Он был разбито похож на кого-то очень знакомого. — Анатолий Александрович... Он опустил камеру, посмотрел: — Привет! С праздником. — Ты что, смеялся профессору? — Нет, снимаю для себя. Для семейного альбома. Знаешь, мне кажется, что этот праздник последний. Отматывает 50 лет — и забудут войну, победу, ветеранов... Теперь прислушались радиорепортеры: — Это артист Анатолий Васильевич Котляр в «Экспрессе». И получил утвердительный ответ, повел микрофоном! — Можно вас спросить? Анатолий Васильевич, недавно получили звание народного артиста России, давая интервью...

На Поклонной горе, там, где поднимает небо ставшая уже знаменитой от показа и критики стала с Никой и выглоточником, где низким полукругом разбежались музеи и где возвышается над всем, даже над более высокой, если считать на метры, стелой замечательно красной, воздушный, как бы летящий в небо храм святого Георгия Победоносца, оказалось множество ларьков, палаток, лотков — с бутербродами, сосисками и шампанским. Торговали ими на удивление вежливо, чистенькие продавщицы.

На тротуарах парадатах фонтаны сидели люди. На лужайках, как на каком-то пикнике, сидели, лежали, закусывали. При огромном количестве людей не было ощущения толпы, перенаселенности. И было только четыре очереди: к храму, к музею и в двум закрытым маскировочным сетками полковым солдатским кухням, из маленьких окошечек которых молодые люди в белом подавали бесплатную горячую пищу.

Эти две последние очереди были почти такими же длинными, как к храму и музею. Возможно, кому-то просто хотелось поехать, но кто-то явно хотело поблагодарить именно солдатской, из «воинско-полковой кухни кашей». Только оказалось, что хоти и солдатская, но не та, не та... Гердрик сержант Дмитрий Андреевич Бородин — в той, времен Отчужденной войны форме, и гвардии майор Антон Степанович Ронкин прославился на этот счет абсолютно компетентно: — Гречки не видели ни разу за всю войну. Можете, кто и ел ее, но мы — нет. Ели перловку. Она называлась «шурпальня». Особая — «красная», в перловку — шурпальня. Иногда с американской тушкой. Иногда — редко — давали пшено в концертрате...

У майора в отставке Антона Семёновича Ронкина, кроме ордене и медалей, на груди четыре нашивки: три красные и одна желтая. Стало быть, три тяжелых ранения и одно легкое. Он приехал из Мальчика по приглашению правительства Москвы и Московского совета ветеранов. Дмитрий Андреевич Бородин — тоже, но не с юга, а с запада: в сортиру Восточной Пруссии, в городе Вергиусе в город, названный Калининградом, и остался там жить.

В самом начале восьмидесятых стало известно — тогда еще, понатю, не из газет, — что в городе, заселенном членами ветеранских войн, группа молодежи (стало быть, внуки этих ветеранов) создала профсоюзную организацию. Дмитрий Андреевич объяснил это явление влиянием буржуазной пропаганды и капиталистического образа жизни. Подошел хорошо одетый молодой человек с жюкандом, попросил разрешения сфотографировать ветеранов. Он был вынужден смириться, он изменился, но настаивал: — Вы наше живая история! Ветераны разрешили сниматься, но не позировали — продолжали беседу.

В половине двенадцатого, за полчаса до начала парада на Поклонной горе, от белорусского вокзала по Тверской двинулась колонна демонстрантов. Как и на Красной площади, как и на военном параде на Поклонной, над ними развевались красные знамена войны. На этот сходство конечно, и минимальное противостояние. Символично, что местом проведения своего митинга эти люди выбрали Лубянский площадь, ту самую, о которой 70 лет говорили и шепотом, и с опаской. Теперь на ней — на Лубянской — громко ругали правительство, власть, режим — и никого не боялись...

В храме святого Георгия Победоносца было светло и чисто. Снаружи он воздушный, а изнутри — торжественно радостный. Именно светлый, Иконы, Фрески, изображающие Святую Троицу, Георгия Победоносца и Богоматерь с предстоящими апостолами. Свещенник отец Сергей тихо объяснял: — Церковь — это место, где каждый находит, но от чье-то сердца, может сказать... Женщины в летних спрашивали, можно ли ей записаться в церковный хор. Священник ответил, что будет рад, но покамест придется пить на общественных началах — храм еще беден...

Горьки свечки. Человек лет пятидесяти с лысиной спрашивал, где можно поставить свечу улопкой. Не искромный в храме вопрос все же ответил: — Родимик, которая поблизит — хотя было ясно, почему и зачем они это сделали, хотелось все же спросить именно о внука, у Михаила, что он думает о войне. Красный девянодцатилет-

ни человек помалочу насторожился: — Вы проверяете мое знание истории? Но символично, объяснил. — Я считаю, что это был патристический подвиг народа и его солдат... А чуть помолчал, добавил: — Некоторым даже вызовом, — Честно говоря, я считаю, что СССР был сильным государством, и не следовало его разваливать. Дядя посмотрел на внука с одобрением, но сказал иначе: — Я согласен с тем, что у нас пропала эта тоталитарный режим. Что все эта партиррия наша развалилась. А то, что она опять при власти, — вот с этим не согласен...

Он еще с мальчишеских лет помнил, как плакали женщины: «Моего расстреляли... Моего — на десять лет...» Помнит голод («его же специально организовали»), помнит как радовался отец: «Будем с хлебом», — и как отобрал этот хлеб, весь, до зернышка, и отца арестовали и отравили в Звенигородской тюрьме... От этой сцены не хотелось уходить. Об этой семье писали в журнале, записаны имена и отчества, а фамилия пропала. Одна надежда: у Александра Семёновича и Александры Сергеевны («Нас школьники назвали — сказала бабушка») большая семья. Сын, Владимир Александрович, инженер, живёт в Париже. Дочь с зятем («Замечательный человек», — сказал дед, — просто замечательный») — в Ставрополе. Внук Михаил учится в Москве в университете. Так что кому-то из них обязательно попадет эта газета, и они напишут, напишут нам, сообщат фамилию...

Потому что история этой семьи — это история страны. Ни больше, ни меньше. Они сидели на скамье прямо напротив стодедцатилетнего музейного экспоната — все же устрашающе впечатлительная огромная толстоственная труба на треноге, установленная на стальной полусфере. Именно с таким чудовищем Александр Семёнович прошел всю войну. Наполеон под Москвой, потом зовал на Орловско-Курскую дугу, брал Берлин, а из Берлина был направлен осаживать Прагу. — Тренога весит 65 килограммов, ствол — 120, стан, на котором он стоит, — 95, — объяснил бывший миниметчик. — Тяжелая...

Ага, — он улыбнулся. — Я со столом, на руках каких-то четверка метров пробегал. Как немцы привалил, так, что что скатился, и на себя... — Это где было? — На Орловско-Курской... Вся семья настала на том, чтобы отец, дед приехал на праздник в Москву. И хоти, если настали, если арестали, если пришли все вместе на Поклонную гору, если оказались в музее и присели возле этого огромного боевого орудия, который четыре года таскал на себе штурмил младший сержант — хотя было ясно, почему и зачем они это сделали, хотелось все же спросить именно о внука, у Михаила, что он думает о войне. Красный девянодцатилет-

Лица были разные: очень много молодых, но и постарше тоже были, и шли поздравлять людей, морщинистые, седые, а на груди у них поздравительные ордена. Люди шли на Поклонную гору. Кто-то, может быть, из любопытства. Кто-то поклониться. А там, на Поклонной, они заходили в Храмы — молчали. Отстояли очереди, чтобы пожать руку музею, и там же стояли, как в зрелище, смотрели на странные и страшные орудия, на фотографии, на знамена...

И этот поток из новых, всеобщих вниманием, место, это тихая, это подчёркнутое уважение к ветеранам (во всех очередях повторяли: «Не стойте, проходите вперед, это для вас») — все говорило о том, что наравне с парадом и демонстрацией зарождается нечто новое. Это новое показывали труднее, определять словами, понятиями. Оно только рождается. Но что было точно, так это не освоенное официальною сенью, идущее от какой-то древней людской памяти желание на празднике Победы быть вместе. И радоваться жизни.

Встречи, встречи... Еще один человек с наградами внимательно рассматривал солдатские минометскую пушку. Оказалось, что Сергей Михайлович Павлов был командиром вот такого же противотанкового орудия, в войну ему пришлось вынести 7 ноября 1943 года на Днепре, когда ранило его и еще трое из пяти человек орудийного расчета... После войны прошло уже 50 лет, 18.262 дня, 437.088 часов. Если бы можно было сказать, что они прошли без войны. Но нет, даже сейчас, через 50 лет и 437.088 часов — и война, да и сейчас, даже в праздник, не вылезает. И все же, все же...

Когда военная техника, дыма, сольерной и легкой трафика, ушла, тысячи людей запылали. Мушкетерский проспект, как некая альтернативная асимметрия, демонстрация. Не хватало только флагов и транспарантов. Фото были яркие, совсем не форменные одежды. Очень резкие на женщинах (что все же привычно) и на мужчинах (в вездь как одинаковы мы были несвоевременны). Зато были детские коляски (милиционеры вселивлю уговорили маляка «осторожно, здесь демонстрация силы, ни демонстрация чего-то много — любовь к кому-то, агрессивна к чему-то).

Лица были разные: очень много молодых, но и постарше тоже были, и шли поздравлять людей, морщинистые, седые, а на груди у них поздравительные ордена. Люди шли на Поклонную гору. Кто-то, может быть, из любопытства. Кто-то поклониться. А там, на Поклонной, они заходили в Храмы — молчали. Отстояли очереди, чтобы пожать руку музею, и там же стояли, как в зрелище, смотрели на странные и страшные орудия, на фотографии, на знамена...

С. БЕДНОВ, О. КУЗНЕЦОВ.

ХРОНИКА ОДНОГО ВИЗИТА

КАРРЕРАС ПЕЛ. И СТРУНЫ В НАС ДРОЖАЛИ

Хосе Каррерас дал сольный концерт в Большом театре. Зал был полон!

ПЕРЕД ВЫХОДОМ

В театр явился за два часа до начала. Неинное «аполлоное» перелетное, обдумана коварные детали с концертмейстером Лоренцо Вааи, обследована сцену, причде к выводу, что выключенный под роль платит «курортит» его в глазах публики, затребовал подом, навязал держать занавес открытым, чтобы пыль не влила в воздухе и не садилась на голосовые связки, и тихо удалился в гримбуриану.

Во все время репетиции в кулисах стояла верный стран секретарь «звезд» г-н Фриц Крамер, со слогом о скалу, разбавлял об обг бургие волны артелиского и журналистского интереса. «Можно ли надеяться зот на маленькое интервью г-на Каррераса?». «Визит краткосрочник». «Но ведь наша публика так нуждается в информации!», «Очень — социологи».

«Тогда, может быть, вы сами ответите на какие-то вопросы?». «Эти не мои вопросы». Однако кое-какую информацию у г-на Крамера все-таки выудить удалось. Предыдущий концерт певца состоялся в Бирмингеме, причем, сбор от него пошел в фонд Каррераса по борьбе с лейкемией. После выступления в Москве его ожидает двухнедельный отдых, а затем он отправится в концертные туры по Америке. Вопрос: «Скажите, тысяча долларов — это обычная цена билета на такой концерт?». «Оказывается, нет». «Артисст деньги не считает?». «Говорю вам, искусство — это не для денег!».

«Можно было бы с ним и поспорить, но обстоятельства к тому не располагали». Цена бывает и выше, если сбор идет на конкретные цели. Уже перед самым концертом в понтрессоваль у художественного руководителя — директора ГАБТа В. Васильева, не хотел бы он в дальнейшем видеть и слышать Хосе Каррераса в Большом театре. «Хотел, но хотел — не главное». «Ловелась ответ?». Там столько мучил в гонимаре...

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Предстояла официальная часть программы — визит в мэрию к г-ну Луожкоу. Юрий Михайлович тепло приветствовал выдвондегого тенора, рассказал ему историю здания Каррераса, подчеркнул, что г-н Каррерас — первый зарубежный певец, посетивший с сольным концертным выступлением в зале Большого театра. «Хотел бы надежду, что следующий его визит в Москву не окажется последним. Удалось улучшить момент и задать г-ну Каррерасу вопрос, касающийся его артиллерия продолжения в Москве. — Вы удовлетворены своим выступлением? — Более чем. — И нравится ли вам петь на сцене Большого театра? — Да, всякий раз пою с удовольствием. — И с удовольствием посещаете ночные клубы?»

ВЫХОД

Этого певца не представлял собой какой-то специальный спектакль, подобно коллеге его Павлову, но в завети в его голосе сладкая слеза, и вообще уровень глубины чувства кажется строго отмеренным раскудом. ПIANO было продемонстрировано, передодевое в пискисимо, но, когда голос избрал силу, мной раз хотелось, чтобы

он был пропущен через динамики, хоти и на такие мощные, как во время выступления Каррераса на Красной площади. Необщительный с журналистами (прочем, две телегруппы, которым посвященность поступил со звездой — а личный контакт, интервью-таки получил), г-н Каррерас аван свое дружельное публике. Поклоном спознакомился широкой улыбкой, было целых четыре «привет», причем, одним из них артист удовлетворил просьбу некой чрезвычайно возбужденной гражданки, выкрикнувшей что было мочи — «Гранадуй!». (От Монсеррат Кабалье на том же, давнем концерте в Большом, как ни блилсь, каватичи Нормы не добилсь). Не исключено, однако, что Каррерас, и сам заблуждаясь этот «би», тем более что и ноты у пикансии ишлись, но дело, безусловно, еще и в том, что «Гранадуй» — не «Canta Diva». Весь репертуар был соответствующий — камерный (испанский, итальянский, неаполитанский), аполине по силам, по возможности произведи выгодное впечатление.

ДО И ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Отключившись, переоделись и немного отдохнув, г-н Каррерас отправился в ночной клуб «Ройял» (бывший ресторан «Иветга»), что у ворот Московского мпододрома. Там он до утра играл в рулетку и, гогорит, выигрывая, попутно наслаждаясь пенным цыганом.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Предстояла официальная часть программы — визит в мэрию к г-ну Луожкоу. Юрий Михайлович тепло приветствовал выдвондегого тенора, рассказал ему историю здания Каррераса, подчеркнул, что г-н Каррерас — первый зарубежный певец, посетивший с сольным концертным выступлением в зале Большого театра. «Хотел бы надежду, что следующий его визит в Москву не окажется последним. Удалось улучшить момент и задать г-ну Каррерасу вопрос, касающийся его артиллерия продолжения в Москве. — Вы удовлетворены своим выступлением? — Более чем. — И нравится ли вам петь на сцене Большого театра? — Да, всякий раз пою с удовольствием. — И с удовольствием посещаете ночные клубы?»

СОЛИДАРНОСТЬ ПРОТИВ ПРИРУЧЕНИЯ

Весенние каникулы свободной прессы. Это, конечно, праздник, но, как правило, они носят деловой характер: слишком напряжена жизнь в обществе и беспредельно велика в связи с этим ответственность журналистов. Вот и нынешние «каникулы» начались международным семинаром. Главные его темы «Фундаментальные права человека и средства массовой информации»; «Защита свободы слова»; «Защита журналистов в условиях кризисной ситуации». Участников семинара, проведенного под эгидой ЮНЕСКО

И С «ЛЕЙКОЙ», И С ПЕСНЕЙ

Помалуй, впервые гостили Московского театра артажди было такое изобилие пишущих артистов и режиссеров. Лучшая Певца состоялся вечер памяти «С лейкой» и блонитона, посвященный фронтovým журналистам. Он был организован Союзом журналистов России и театром на Березневской. Присутствующих тепло приветствовали руководители Союза журналистов России и Москвы В. Богданов, Д. Щербина, художественный руководитель Театра артажди ветераны войны В. Буринов. В праздничной программе

— Видите ли, после удачного концерта резко сдвинулось направление возбуждения, и это возбуждение требует выхода. Если же вы имевте в виду печальные последствия аварии, то на сцене или вообще в жизни всегда рискуешь проиграть ничуть не меньше, чем в рулетку. После дружеского совместного фотографирования мэри певца на Поклонную гору. А там и в Берсинону наде было собраться — а взоролуру уже издав г-на Каррераса частный самолет.

ВОКРУГ И ОКОЛО

Ощепомление, вызванное ирадной ливенью-предпосылкой изобилия, прошло очень быстро. В голове зашевелились нереальная мыслилка — в сколько здесь друзей, и друзей друзей, и близкие — мам и пап, дедушек и бабушек, — нас, журналистов, и прочие халешиков, не затлещивших за прохид ни коллегий! А змещдшая на сцену сказать несколько слов перед концертном парадном нарядными дама и ювее развела все сомнения, обратилась к публике не просто так, в обозначие весь ее состав: члены правительства России, члены правительства Москвы, послы и представители дипломатического корпуса, в числе 250 ветеранов войны и 250 солдат Таманской дивизии.

Любезное приглашение на концерт обычно не сопровождается просьбой купить билет. (Разве что сбор идет на конкретные цели, но на эту тему организаторы на проронили ни звука). Остается предположить, что гастроли Каррераса были праздничным подарком АО «Лит-Италки» (при поддержке мэрии) нашим привативам (И, конечно, ветераны и солдаты органично сланились в зале с прочей фашенебальной публикой). Но ведь не принято объявлять! Вотсторонимся на концерт вход воспрещен, и потому, очевидно, объявлять забелые цены. А если ты такой богатый, такой улопрый, такой любящий музыку — ну что с тобой поделаешь, ладно, покупай себе билет!

Интересно, хватило ли сбора на «Иудит Каррерасу! Где-то и сумма гонорара промелькнута — 250 тысяч долларов, кажется.

Н. ШАДРИНА.

Фото С. Бернштейна и А. Климова.

ВETERАНЫ КУЛЬТУРЫ. ВETERАНЫ ВОЙНЫ

Борис Иванов. Борис Попов. Николай Дулак. Виктор Розов. Николай Пестухов.

Фото Г. Ровинского.

ВЫСОКИЕ ЗВАНИЯ РОССИИ

Указом Президента Российской Федерации Б. Ельцина за большие заслуги в области искусства почетное звание «Народный артист Российской Федерации» присвоено:

Габдуллину Рустаму Искандеровичу — концертмейстеру группы контрбасов Российского национального симфонического оркестра под управлением М. Плетнева, город Москва. Карлову Петру Ивановичу — солисту Театра оперетты Кузбасса, Кемеровская область. Круглову Вячеславу Павловичу — художественному руководителю квартета «Мандолина» Московского фонда сохранения культуры. Леденеву Роману Семёновичу — композитору, город Москва. Мидзеевой Галине Ивановне — артистке Республиканского русского драматического театра Республики Башкортостан.

СОЛИДАРНОСТЬ ПРОТИВ ПРИРУЧЕНИЯ

Союз журналистов России отдал должное идеям Год терпимости, провозглашенного ООН, подчеркнул, что истеричность и той или иной сфере общественного мнения очень опасна в стране, где пока еще весьма хрупкая демократия. Нелегко отстаивать свободу печати. Интерпретируя факте различными политическими силами порою воспринимается с точностью до наоборот. Эти острые моменты мы анализировали участниками международного семинара.

(Соб. инф.)

И С «ЛЕЙКОЙ», И С ПЕСНЕЙ

Участвовали популярнейшие артисты артажди и рядом с ними известные журналисты-фронтовики. Звучали незабываемые песни военных лет. Были родимих Калитонина Давидовича, Илья Дорда, Тамара Кравица, и Полятова Александры Пахутуевой и Николай Добронравлов. Оркестр Театра артажди под руководством Владимира Старостина сделал эту историю праздничной. И, ни от доброй дуэты, ветераны улопали и с подражаниями от Фирми «Кознонтракт».

Гр. ГОГОБЕРИДЕ.

Вы любите театр, музыку? Приглашаем!

АКАДЕМИЧЕСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР РОССИИ

31 мая А. Толстой. "Царь Федор Иоаннович"

16 мая М. Зощенко. "Уважаемые граждане"

ТЕАТР ИМЕНИ МОССОВЕТА

16 мая Д. Уэббер, Т. Райс. "Иисус Христос - суперзвезда"

14, 16, 25, 26 мая Г. Горький. "Когда взойдет пятый день"

13 мая Г. Чахачев. "Ну, Волк, погоди!"

20 мая Г. Чахачев. "Злой умысел бабы Яги"

МОСКОВСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ТЕАТР Новая Опера

Московский муниципальный театр "Новая Опера"

25 мая КОНЦЕРТ "Страницы русской музыки"

Партия фортепиано: Ольга Граммская, Анна Радмак

Продажа билетов производится в кассах репетиционной сцены театра "Новая Опера"

Справки по телефону: 271-14-40

Агентство "Богис"

Спектакли состоятся в помещении Муниципального театра на Арбате

17, 18, 20, 24, 27 мая "Погружение"

Московский "Театр Луны"

14, 21 мая О. Михайлова. "Мечты маленького Робинсона"

13, 20 мая О. Михайлова. "Мечты маленького Робинсона"

15 - 20 мая Экспоцентр

Москва. Выставочный комплекс ЭКСПОЦЕНТРА на Красной Пресне

РОЯЛИ ПЕЧАТЯТСЯ У ЛЬВОВО

Когда входил в коридор, ощущая запах краски, лаков и всего того, что сопутствует мастерским художников.

Я по образованию человек военный, окончил училище, потом академию, работал старшим научным сотрудником.

роялей, а пианино больше - приблизительно 250. Почему мы выбрали название "Прайд"?

Школы реставраторов музыкальных инструментов! К сожалению, в России мало учебных заведений такого высокого профессионального уровня.

Скажите, каковы пути реставрации музыкальных инструментов на реставрации, и как складывается их дальнейшая судьба?

Ярмарка самоцветов

Из всех уголков России, Украины, Крыма, Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Индии и ЮАР

раскрыть их красоту и показать людям, требуется художественный вкус и особое чутье мастера.

Новый взлет предстоит с "Максидрома"

связью, "Моральный кодекс", "Апрельский лад", "Ногу свело!", "Чайф", "Два самолета", "Кроссродд", "Чичи", "Ва-банк!", "Серьга" и "Агата Кристи".

выйдет Жанна Агузарова (кстати, ходят слухи, что певица вообще собирается вернуться в родную группу).

ОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ТЕАТРОВ ЭСТРАДЫ И ДИСКОТЕК.

Производства ведущих фирм Италии, США, Великобритании, и др. стран. Продажа продукции фирм CRIVEN, LAMPO, INTERCOMM, HUB, COEF, STRAND, LIGHTING и CRISALYS.

Все для абитуриента-95.

Господа! Вы хотите предоставить информацию о вашем уважаемом учебном заведении в сфере искусства и культуры читателям нашей газеты?

Для размещения частных и коммерческих объявлений необходимо: заполнить купон печатными буквами; в одном объявлении указывать только один предмет или услугу;

Купон "Культуры" Биржи "Культуры"

Любителям иконописи и церковной старины

Ульяновской областной художественной музей проводит подлинную монографию-альбом "Семьдесят лет иконописи Священного Суда в русском искусстве XV - XVI вв."

Данные для редакции (не публикуется):

Имя: Ф.И.О. Адрес: Телефон: Наш адрес: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская ул., д.73;

Николай Зайцев

СОЛОВЕЙ ФРОНТОВЫХ ДОРОГ

...Русланова смотрела на них со ступеней поверженного рейхстага. Обостренные лица, разъяренные порохом и потом лица гимнастерки, повдавшие дождь и жару пилотки, руки, привычно сползающие стертые до тусклого блеска стволы автоматов. На сянших от майского Берлинского солнца медалей — названии городов, огненные вехи войны...

Она вышла из еще дымящихся развалин рейхстага на площадь; так бросил к ним, ставшим ей родными за четыре с половиной бесконечных года войны. Ей хорошо было известно, что тревоги и боль при ее появлении в их глазах сменялись детской радостью ожидания. Концерты в перелесках-улицках, где симпатично пелись арии, где симпатично пелись арии, где симпатично пелись арии...

Ночью принесли одного из них, тяжело раненого, он метался, звал маму... Русланова села рядом с ним, взяла его за руку, запела колыбельную. Раненый затих, а по ее щекам катились слезы, как будто это был ее сын. Через несколько месяцев на другом участке фронта во время ее концерта растолковали товарищев бойцу с Золотой Звездой на гимнастерке: "Мамма, мамма! Я узнал вас, это вы пели, когда я умирал...". Третья их встреча была под Суэцием, и опять он был ранен, и снова она ласкала окровавленную руку. А солдат говорил: "Теперь я верю, что дождю до Победы, если мамаша была, если мамаша, чтобы послушать вас..." И вот концерт перед рейхстагом — она сразу узнала его в возмужавшем офицере с грудью, по-

кой орденов, когда он поднимался к ней на ступени. Она подняла его руку и крикнула: "Смотрите, вот он — русский солдат, он умирал и верил в Победу, и он победил!". Концерт у стен рейхстага стал апофеозом всей жизни Лидии Андреевны — от первых выступлений в сиротском приюте до всеобщего признания ее удивительного таланта. Война завладела ее судьбой, узелки, потнувшие за собой апокалиптические трагические события. Во время бесконечных гастролей по фронтам произошла ее встреча с генералом Крюковым — любимцем и командиром юных казацких соединений. И началась новая жизнь, наполненная красотой большого чувства, вечным ожиданием и беспокойством! Казацкий корпус уходил в прорыв и по погоде находился во вражеском тылу, откуда не доходили никакие сведения. Шли месяцы, полные тревог и бессонных ночей...

У Лидии Андреевны появилась новая забота — она удочерила Маргариту Крюкову и посвятила себя воспитанию девочки. В "Тихом Доне" Шолохова точно описана типичная для казаков родословная семьи Мелеховых. В казацком роду Крюковых тоже была привнесенная с войной пленная турчанка, и от нее сам генерал и его дочь унаследовали орлиную красоту, характерную для уроженцев Дона. Когда потрепанный в боях корпус получал небольшую передышку, Русланова дарилла казакам свои песни, и это, возможно, была одна из пущих наград подлым, постоянно рискующим жизнью. Концерты на передовых и в госпиталях — это был ее вклад в копилку Победы, а на свои личные средства она подарила казачьему корпусу кривошею батарею прозванную "катоши".

Кончилась война, и все, что помогало завоевывать Победу, стало для Сталина опасной помехой. Особый страх у вождя вызывал огромный авторитет маршала Жукова, боготворимого армией. Как и перед войной, опять заработала машина арестов. На этот раз ее жертвами стали боевые соратники Жукова, чьи имена недавно мелькали в сводках главнокомандующего. Жуков не мог оказать помощи тем, с кем недавно делил фронтовой хлеб

и славу Победы, его звезда закатилась. Кремлевские куранты по указке Сталина снова повели отсчет времени в пользу департамента Берин. Владимира Викторовича Крюкова и Лидию Андреевну Русланову арестовали в 1948 году. Берин поинчал: Русланова с ее прямой, будущей независимой и незаурядной личностью, могла причинить его ведомству много неудобств. Можно было посадить в клетку соловья, но заставить забыть любимую певичку было невозможно. Русланова томилась в ГУЛАГе, а ее песни продолжали звучать с пластинок. Для оставшихся одной Маргариты Крюковой наступили трудные дни. Девочка раз в месяц ездила на Кузнецкий мост к воротам Лефортовской тюрьмы, где у нее принимали небольшие сумки денег для родителей. Ей пришлось нести тот же крест, что и многим ее сверстникам, еще вчера благодарившим вождя "за счастье детство"...

Пять лет фронтовые соратники Жукова подвергались избиению и мукам во внутренних и Лефортовской тюрьмах МГБ. Заключенные в огне стражи командиров совершили еще один подвиг — ни один не сломался под пытками и не обогал маршала! Русланова вспоминала позже, как проводила ее в комнату, залитую кровью, и говорила: "Если не сознается, будет еще хуже, у нас таких коммат много...". Благодаря стойкости своих друзей-ветеранов Жуков был спасен — у Сталина не оказалась оснований для расправы над лучшим полководцем России.

Три с половиной года она томилась в московской тюрьме Берин, очевидно, понимала: обвинять в шпионаже известную артистку, предпочтительнее в военные годы удобства театальной сцены в тылу блиндажи и фронтные землянки, было бы слишком неуклюже... Оставалось шаблонное обвинение — статья 58, пункт 10 — за антисоветскую "пропаганду" — разговоры, анекдоты, недоброжелательство. Ее отравили в один из лагерей Таштета.

гациями — велли валенки, сало, мед, туфли... Охрана сбивалась с ног — ничего не помогало. Им было не по силам остановить поток всенародной любви и признания... Разъяренный Берин распорядился перевести заключенную в известный своим жестоким порядкам Владимирский централ. Начальник таштетского ла-

гера, узнав, что Русланова у него забрала, решил напоследок устроить для администрации концерт певички. Но Русланова петь отказалась наотрез: — Если будет концерт, то в первую очередь для зэков лагеря. Одному начальству, хоть убейте, петь не стану!

Начальник махнул рукой: "Ладно, хоть не положено, рискуй!". Лидия Андреевна рассказывает: собралась вся лагерь; напрягая последние силы, шли даже тяжело больные из лазарета. После выступления у рейхстага она не пела с такой страстью и любовью и сидела перед ней зрители. Она акустика горечь трагедии, постигающей народ, как в войну, делала с ним тяготы страшной доли... И снова

ва, словно на фронте, светили глаза и очкались души слушающих ее, зажглись сердца надеждой и желанием обязательно выжить! Во Владимирском центре судьба приготовила актрисе сюрприз — здесь она попала в одну камеру с кинозвездой советского зрания Зоей Федоровой, осужденной "за связь с американцем".

В 1953 году, после смерти Сталина И'ареста Берин, Жуков сразу принял меры к освобождению военачальников. Вернулся Крюков. Вернулся и Русланова — похуже, подвиги строили и совершенные сады. Вместо знакомой всей России чудесной косы, величаво венчавшей певичку, непривычная короткая стрижка. Но даже тюрьма не смогла согнуть подаренную природой стать — Русланова и в неволе жила с гордо поднятой головой.

Уже через два месяца после приезда в Москву она вышла на сцену в сопровождении Оркестра имени Осипова — и снова зазвучал волшебный голос, и русская песня опять нашла дорогу к сердцам... Начались ее поездки по городам и весям. Выступления по телевизору, радио, концерты, запись на диск, участие в торжественных вечерах.

Всюду она была желанной. Запомнилось, как на ее концерт в Елагинском театре съезжались со всего Крыма. Крестьяне на грузовиках, стареньких автобусах, попутными поездами — это напоминание о большой народной праздник, не приняв участия в котором — грех!

На какое-то время в семье Руслановой нашла приют и дочь Федоровой, Виктория, после ее возвращения в Москву из казахстанской ссылки. В большой четырехкомнатной квартире было всегда полно людей. Лидия Андреевна не терпела одиночества. И обладала редким качеством: будучи необычайно одаренным человеком, постоянно испытывала желание учиться всему, что, по ее мнению, заслуживало внимания...

В начале шестидесятых недалеко от Руслановой построили дом для артистов эстрады, и многие из них ходили к ней советоваться, делиться радостями и бедой — и каждому находилось доброе слово, шутка и стакан чая с чем-нибудь вкусным. Не порывались ее отношения и с Зоей Федоровой. Часто можно было увидеть в окошке кухни, как Русланова, Федорова и Лидияна беседуют за столом. Дружба связывала Лидию Андреевну с живущими рядом Клавдией Шульженко и Ольгой Воронец. Каждую весну сюда, на Ленинградский проспект, устремились со всей страны поток писем и поздравлений — ветераны не представляли праздника Победы без Руслановой. Ее выступления перед солдатами вошли в историю войны так же, как "тридцатчетверки", "катоши", победные версты с названиями городов...

Много прошло лет с тех пор. Давно под одним памятником обрели покой генерал-лейтенант Крюков и его подруга, как каждый его встречала задумчивой песней возвращающийся с победой казачий полк. А в майские почетные дни ветеранам войны по-прежнему вспоминались дымящиеся развалины Берлина и раздолбный, мощный голос певички, несущей над победожденной фашистской столицей могучую русскую песню.

В целях увековечения памяти великой русской певички, а также в знак ее огромных заслуг перед Родиной ветераны войны и труда, все поколение победителей предлагают учредить медаль "Лидия Русланова" и удостоверить этой награды выдающихся певцов эстрады, деятелей культуры и искусства — пропагандистов творческого наследия народной певички...

Виктор Серов
Серов, действительный член двух академий, известный врач, сын репрессированного инженера, прошедший войну до самого конца, всегда писал и пишет только о том, что видел лично. Писал о пролитой крови, о жертвенности, о подвигах. И писал о любви. Настоящей, не зависящей ни от войны, ни от вышестоящих начальников. И так — Победа, лето, любовь... И жестоко-жестокое время.

Виктор Серов
ЛЮБИ, ЛЮБИ, ПОКА ДАНО ЛЮБИТЬ

качи, особенно музыкальным наследием венгров. Находит какие-то аналогии в истории Хан-Яноша, бросившего двор и возлюбленную его Мариню Лузу ради пастуха Иштван. Как и Хан-Янош, он готов найти счастье с Иштван в какой-нибудь корчме. Бани-Бан или вблизи как возлюбленной невесткой Меланди, а не как борца, подобно Ласло Хуняди, против турчан и моголовцев.

Мы расстались, и я опять потерял его, потому что мой полк, в который уже раз искал новое место на мадерской земле — теперь на зыбкой квартире. В конце 1945 года мы оказались недалеко от Будапешта в бывшем расположении хорватских офицеров — в Эркен-Таборе. Зина стояла сырая, ветренная, промокла. Дел особых не было, настроение было предоступное, свободное время я отдавал чтению и поискам капитана, судьба которого меня живо интересовала.

Нашел я его случайно, он оказался мне уставшим и озабоченным, затаял к себе, и я выслушал его тревожную исповедь. Илонка живет в расположении лагеря около месяца; это он тщательно скрывает. Муж, кажется, напал на след. Командование полка что-то подозревает, относится к нему настороженно, часто посылает в командировки. Что станет, если ее найдут тогда, когда он будет в отъезде? Положение туговое. Я посоветовал ему поселить Илонку в ближайшем городке — Лайошкере. На это он ответил, что вне лагеря она будет в еще большей опасности — мадерцы "продадут" ее законному мужу. Вероятно, он был прав.

Недели через две наш лагерь облетела весть о том, что в вилле Петухова живет мадерка, которую он украл у мужа еще в Вашваре, что его ждуть в связи с этим большие неприятности. Я встретил его за день до трагической развязки. Он выдал сузо и коротко: "Ее мне я не отдам. Прощай". Вскоре случилось то, что оставило горький след в моей памяти...

В эвакуацию мы уехали из Полтавы. На город уже ложилась артиллерийские снаряды. Разрывы были совсем близко. Поздн отправилась, говорил, что последний.

Мой муж, Александр Лейн, театральн режиссер, ушел в действующую армию в первый день войны. Тщательно я ждала в Полтаве весточек от него. С каждым оставленным, потертым городом становилось все яснее для моей глупой головы, что таких страшных войн в мире еще не было.

Из Полтавы в Курган мы ехали месед. В память осталась неаногов, и главное — моя мука. И только одна мысль: где Лейн, жия ли. Что с ним?...

Через полгода, 8 марта, как "подарок" в Женский день, принес почтаполн в ответ на мои бесчисленные запросы известие. "Пропал без вестн". Но пропал без вестн, думала я, но ведь не убил, не умер, есть еще надежда на спасение, на возвращение... Надежда, поддерживающая меня до конца войны, надежда, которой не суждено было сбыться.

Только через год я поняла, что слова "пропал без вестн" и "погиб" — одно и то же... В Кургане я год проработала в госпитале.

Весной познакомилась с женой эстрадного сатирика Шуры Рыжуня. Она узнала, что я артистка Киевской эстрады и филармонии, пришла посмотреть на меня. Мы подружками. А потом в Курган приехали артисты Свердловской оперы. Тож познакомилась. Но только через полтора года я решила наконец поехать в Свердловск, в филармонию.

Во время концертов в филармонии было мало. Несколько раз выступала на Уралмаше. Всем было не до концертов тогда. Читала я Симонова, "Беглец" Лермонтова, пушкинскую "Метель". Иногда казалась, что слушаешь тютят, что бы в поскорее кончила. Неприятное ощущение!.. Во второй половине февраля прошел слух, что формируется бригада на фронт. Я попросила, чтобы меня включили.

О fronte говорили, говорили, а конкретно ничего известно не было. Прошел почти месед. Наконец объявили день отъезда. Маршрут — Ленинградский фронт. У меня сохранилась программа № 1 фронтовой концертной бригады свердловских государственных театров и филармонии, подписанная худож. руково-

дитель (бригадир) И.Олгин, братья Шнейдер — баянисты; Петрова и Бонко — дуэты на оперетт; Габаява, Жданова и Подберская — балет; русский, татарский, белорусский танец... Я читаю "Метель" и веду программу.

Первым пунктом, где мы должны были выступить, была Нарва. День был пасмурный. Высадилась. Первое, что увидел: площадь с небольшой рощицей и висящая, где висят два трупа. Дул сильный ветер. Трупы раскачивались, то поворачиваясь к нам лицами, то мы видели затылки. Жуткое зрелище. Приказал Шукс друг к другу, мы ждали

ровнейшими рядами, иногда врозь. Да, это печно. Сколько таких печей мы видели по дороге. И обязательно фанера и название деревни. Но меня больше поразила другая картина. Это я видела только под Ленинградом. Торчат из снега столбики, чистенькие, беленькие, разного роста, как правило, до пояса и ниже; без хвора, без веточек, без хотя бы сушочков. Это лес, если деревья большие не стучат белыми шишками. Снаряды и пули так обдаваясь, какое дерево было.

Вот написала это, а представить себе такой огненный порядок. Да, это печно. Сколько таких печей мы видели по дороге. И обязательно фанера и название деревни. Но меня больше поразила другая картина. Это я видела только под Ленинградом. Торчат из снега столбики, чистенькие, беленькие, разного роста, как правило, до пояса и ниже; без хвора, без веточек, без хотя бы сушочков. Это лес, если деревья большие не стучат белыми шишками. Снаряды и пули так обдаваясь, какое дерево было.

подобрался разный. Иногда слышала: "А там не опасно! Нам обещали беречь". По-настоящему страшно мне было только один раз. Шел последний месед поезда. Грело солнышко, ночью было холодно. Мы на пологом берегу. Берег порос кустарником, за кустарником лесок. Другой берег — низина, зеленящийся луг. Вдалеке домишки. Там немцы. Совсем низко, никого близко не видно. Ходит группами. Кто-то стучит белыми шишками. Крестьянка разговаривает с офицером. Два немца стоят пригнувшись, третий прыгает через них. Мирная картина. За нашими куст-

га. Это был самородок: подорожник пас кот где-то в деревне, читать не умел. А когда мы познакомились, был уже заместителем директора Одесской кинофабрики, человеком с высоким образованием. Начал войну солдатом, кончил полковником. Приехали мы в часть вечером.

Собираясь бойцов на концерт было поздно. Решили выступать утром. Два офицера позвали на ужин. Случайно из разговора услышала знакомую фамилию: Колпач. Однофамилец! На всякий случай спросила: "Колпач, а как его имя-отчество?" — "Давид Омальевич". Давид! С ним и Сашей Корнейковом прошла вся наша одесская жизнь. Кричу: "Скорее, скорее, скажите ему, что приехала Нонна Приходько".

Мы сидели в домике-каруде. Смотрю на дорогу. Жду. И вдруг вижу: кто-то бежит. И вот я уже в его объятиях, мы оба взволнованы до предела. Два женщины из бригады всплакнули. И у меня на глазах слезы. Сдерживаю себя, чтобы не заревать от радости и от горя: Лесьа ведь нет.

Возвращаясь с фронта в Свердловск, в Москве я встретила Климента Бенца из Львовской филармонии. Он коллектовал симфонический оркестр, рассчитывая после войны вернуться во Львов. Я тоже мечтала о возвращении на Украину. И — попала в Киев, родной и любимый. 9 Мая сорок пятого года, в этот горький и радостный День Победы. По узкой тропинке через пешеходов, пропущенной для горы железных конструкций, камней, батонов, щебня, пропалась по Прозрешной в филармонию. Никто меня там не встретил: праздник. Кроме старенького администратора Боярского. Он проводил меня до гостиницы. На площади у собора святой Софии мы с ним потанцевали среди любующей и танцующей толпы. Погоревали, вспомнили Лесьа. Я заплакала.

Война кончилась. Можно было плакать.

Офицеры рассказывали нам про него эти байки, а в рядом сидит, смеется. Среднего роста, крепко сбитый, пригожий. Спрашиваем: правды же сам не верю, мол, что меня убить можно.

Доволялся ли этот легендарный майор до конца войны! Тесан Мир. Миллионы волевали. И надо же, я встретила на Четвертом Украинском хорошем нашего с Лесом дру-

НАЕДИНЕ С ТЕЛЕВИЗОРОМ

ТАКАЯ МНОГОЛИКОВАЯ ПОБЕДА

Теледень шел своим чередом, а на шестой кнопке шли «Семь нарядов»... Телевидение феноменальное... Ветераны в эти дни оказались на телеэкране самыми желанными гостями...

ПРИЗ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ «ТЭФИ»-95 В ПОРЯДКЕ НАГРАЖДЕНИЯ

- Лучшая информационная передача «ВЕСТИ» (РТР). Лучшая передача об искусстве «К-2» (РТР, ТПО кинопрограмм, Студия К-2). Лучшая спортивная передача ПРЯМОЙ ЭФИР: КАРПОВ — КАСПАРОВ (ТВ-6).

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Подробный комментарий к результатам «ТЭФИ»-95 читайте в следующем номере.

Очень легко вообразить, как выглядела бы телевизионная Победа в прежние времена... Теперь, наконец, можно говорить о Великой войне... Неудивительно, что в последние дни в мире телевидения не слышно чужих парадоксов...

ПРОГРАММА ПЕРЕДАЧ

Grid of TV program listings for Monday (15 мая), Tuesday (16 мая), Wednesday (17 мая), Thursday (18 мая), Friday (19 мая), and Saturday (20 мая). Each cell lists channel, time, and program name.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Время беззащитных

В пресс-клубе театрального фестиваля «Балтийский дом» в Санкт-Петербурге после обсуждения...

Зрения живых) восстановлена утраченную с родными и близкими связь.

Мертвые разговаривают с живыми в последнем акте уайлдерского «Нашего города» так, что сами на это время оказываются настоящим театром, что осталось там — навсегда.

Земля приоткрыла не только скончавшихся людей, но и умершее Слово.

Уайлдер верил, что Слово не исчезнет, — иначе он не был бы писателем.

Но что делать нам, утонувшим в потоке фронтирской бравады и морфологической мутьи? Что делать нам, когда Слово из инструмента общения делается орудием разобщения? Орудием пострашнее, чем «Узун» или «Калашников»...

Драматург Алла Соколова, на той встрече с нами в пресс-клубе «Балтийского дома» сказала, что тоскует по беззащитному театру, ибо время требует беззащитности.

Это сказала она, отставшая, как и многие из нас, от непонятного, от оторванного от времени. Сказала о времени, потребовавшем стоило назвала и агрессивности, сколько не понадобилось, по-видимому, в самое размерное средневековье.

Соколова, как и многие из нас, беззащитная перед временем, изречала слова, которые нужно было услышать.

Это сказала писательница, чья героиня все ждала своего Бедудова, как ждал Годо, а дождались только Фадеева. Да и с ним ей не сильно повезло.

Соколова живет надеждами на то, что беззащитным поможет Слово, которое вновь неучится слышать.

Соколова — очень милая женщина. И Бедудов, надо сказать, глубоко не прав. Морг бы, паразит, и прийт...

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.

Advertisement for 'Разгуляй' featuring a stylized illustration of faces and the text 'На сцене и вокруг' and 'Здравствуй, «Разгуляй!»'.

КУКОЛЬНЫЙ ДОМ 38 шагов попугая

Как измерить длину удава? Вся малышня бывшего Советского Союза ответит не задумываясь: надо пустить пролезать по нему попугая. В удаве — 38 шагов попугая, «38 попугаев»!

Григорий Остер, «растанува» сценария популярнейшего мультфильма до размеров пьесы, не сумел избежать длиннот и повторов, кутерьмашки его веселую историю. Ростовский театр кукол отважно с этим длиннотами борется. Добывим, и почти побеждает. Премьера театра, только-только спривявшего своей 60-летней юбилей, свидетелемствуйт: 60 — возраст расцвета!

Режиссер Владимир Былков, композитор Михаил Фуксман, художник Людмила Белкова и Александра Курникова плюс четверо так и оставшихся безымянными (но почему!) актеров постарались придумать спектакль яркой, зрелищный, динамичный, своего рода «игру» в кукольный театр. Она начинается с шуточной перебранки — актеры выходят на сцену из зала, словно размявшись, спорят, спорятся, беря в руки больших забавных кукол — Удава, Мартышку, Попугая, Словенка — и незаметно включают их в действие.

Сами чуть-чуть пожимае на своих персонажах, они не только «ведут» их, но и «играют» в них, поют, танцуют вместе с куклами, разговаривают не только за них, но и с ними, радуются и печалются, убеждают их и размывают тоже все вместе.

Главным же в спектакле оказалось не измерение Удава (в нем, как и положено, — 38 попугаев), а то, что Попугай, до этого ходивший пешком, собрался так с духом и полетел. Надо только затевать, и ты сумеешь все...

Тамара СЕРГЕЕВА.

«ВЫЕЗДНОЙ» СПЕКТАКЛЬ Мамуре из Краснодара

Театр наций решил под занавес сезона сделать сам себе и нам, конечно, еще один подарок. И показал спектакль Краснодарского театра драмы «Мамуре» в постановке Бориса Львова-Анохина. На афише — посвящение: «Памяти выдающейся русской актрисы Елены Гоголевой, что, согласитесь, задачу несколько не упрощало, ибо Селина Муре стала одной из самых знаменитых ролей Елены Николаевны.

Но, с другой стороны, коль скоро такой тонкий, трагичный и выразительный художник, как Львова-Анохин, решился на подобный шаг, у него, вероятно, были достаточные веские основания. Прогноз с собой постановочную бригаду из Москвы, художником Ольгу Твердовскую и Владимира Макушенку, композитора Григория Фрида, Львова-Анохин создал в Краснодаре на бледную копию со своего же знаменитого спектакля, а самостоятельную версию.

Публика, собравшаяся в Вахтанговском театре, в большинстве своем видела прежде «Мамуре» в Малом театре и теперь готовилась к сопоставлению. А ужасное волнение, с первых же минут охватывавшее краснодарских актеров, отнюдь не способствовало успеху. Хотя, будем справедливы, зрители «справку» готовы были подержать гостей и даже прощол встретили бурными аплодисментами. Но что поделавши, если на сцене поселился страх? Как его преодолеть, чтобы легко сыграть веселую, озорную комедию Жана Сармана, блистательно переведенную с французского Ксенией Муриной?

Как мне показалось, только ко второму акту актеры нем, ного пришли в себя и спектакль приобрел стремительную, пляшущую легкость. Конечно, много в данном случае зависело от Иды Макаревич, исполнявшей роль Мамуре. Почти каждая ее реплика находила понимание в зритель.

Борис ПОУРОВСКИЙ. ● Сценка из спектакля. В центре — Мамуре — И. Макаревич.

ПАМЯТЬ Из альбома улыбнется наша молодость

Когда Алексея Симонова, приехавшего вместе с сестрой Марией на премьеру спектакля Нижегородского драмтеатра «Как долго тебя не бы...

ФИЛИАЛ МЕНЯЕТ ИМЯ На Большой Ордынке

Именно так — сцена на Большой Ордынке — будет называться теперь, после реконструкции, филиал Малого театра. Два года Государственный институт по проектированию театрально-зрелищных предприятий «Гипротейтр» Министерства культуры России перестраивал это старое театральное здание Москвы.

Мои собеседники — директор «Гипротейтра» Юрий Васильев, главный архитектор проекта реконструкции Гурьев Татулов и главный конструктор Лев Голубов. Интересно с ними начинаются на улице Большая Ордынка у входа в театр. Мы стоим около бело-голубого здания, исполненного достоинства, благородства и элегантно. Такое ощущение, что машины, проезжающие мимо, немеренно замедляют свой бег, чтобы любоваться объектом особого.

Г. Татулов: Старый фасад здания, особенно в верхней своей части, нами частично сохранен. Больше проемы превращены в стиливые окна, появились козырек, которого раньше не было. Правая часть здания тоже была разрушена до основания и заново выстроена для того, чтобы в стиливом отношении соответствовать центральной части дома. Это сооружение не принадлежит к памятникам архитектуры. Если говорить о стиле, то это скорее всего эклектичный классицизм периода упадка, когда в России зарождался стиль модерн. Стиль нечистый, и мы позволили себе его совершенствовать... За этой стеной, за этим фасадом — все построено вновь. Снесены старый зал, сцена, пристройки, сарай во дворе. Зал, сцены, интерьеры — все выстроено заново.

выложен из мрамора двух сортов (Роза Верона и Бреча Перинче), привезенной из Италии.

А теперь мы в фойе Малого зала — продолжает Г. Татулов — его главным украшением (как, впрочем, и многих других помещений театра) являются люстры и торшеры, индивидуально изготовленные и спроектированные профессором архитектурного института, художником Игорем Паткин.

Действительно, светильники выполнены очень изящно. А их автор по праву можно назвать мастером стеклянных светящихся кружев.

В распоряжении актеров просторные гримборные с душевыми комнатами, два релакционных зала. Очень важная деталь: размер круга главной сцены на Большой Ордынке соответствует кругу основной сцены на Театральной площади. Это позволяет репертуару Малого идти сразу на двух площадках.

Кстати, большую помощь в этом строительстве оказал мэр столицы Юрий Михайлович Лужков и правительство Москвы, в также АО «Газпромстрой» (В. Мороз, Я. Сериков).

Уверена, осенью, когда театр на Большой Ордынке начнет свою обычную жизнь, зрители после представлений будут обязательно устремлять озабочено только актерам, но и создавала архитектурно-зрелищного шедевра в центре Москвы.

Т. БЕЛОЗЕРОВА.

Фасад Сцены на Большой Ордынке; в зрительном зале — Г. Татулов и Ю. Васильев.

БЕНЕФИС Торжество госпожи Простаковой

Московский театр «Царицына» возрождает традицию знаменитых сценических бенефисов. На днях там прошел бенефис заслуженной артистки России Надежды Хиль, для которого выбрали комедию «Недоросль» Д. Фонвизина.

Пьеса интерпретирована в нем как нельзя лучше подходит театру, расположенному по соседству с дворцом императрицы, хотя и недостроенным. Трагедия пьесы режиссером А. Бордуковым необычна. В ней переосмыслены многие персонажи: положительными не бесспорно хороши, а отрицательные получились фигурами объемными, живыми и в чем-то даже трагичными. Госпожа же Простакова в исполнении бенефисчицы — обязательна и молода.

По театральной традиции бенефисы игрались в пользу бенефицианта, которому переплачивали большую часть сборов и ценные подношения. Вот и директор «Царицыны» В. Максимович сделал Н. Хиль сюрприз: право на сцене ей вручили чек на миллион рублей, в товарищ по трупу преподнесли свой подарок — веселый капустник.

С. НОВИКОВА.

СВОЯ ТЕМА Письма с фронта

Премьеру нового спектакля, посвященного 50-летию Победы, показал московский театр «Сопричастность».

Спектакль «Голос за тонкой стеной» поставлен по одноименному произведению Александра Матвеева, в основу которого положены письма солдат, не вернувшихся с фронта.

Попали они к автору еще в 1980-е годы, когда в нашей стране проходила акция «Фронтное письмо». Действие спектакля развивается параллельно в прошлом и настоящем.

У САМОВАРА Давайте жить дружно

Наконец-то наши театры начинают понимать, что критик — тоже человек. По крайней мере Московский Художественный театр имени А. П. Чехова не убоился пригласить молодую пишущую братию к себе в гости на чашку чаю. Более того, эти чаепития вскоре сделались регулярными. А в качестве гостевых выступили признанные мастера МХАТа...

Другое дело, что жанр традиционной пресс-конференции, хотя и с чаем на столе, пока еще отдает холодом официальности, отлучив некоторых журналистов, жаждущих непрямой, вынуждая что-то лихорадочно строчить в блокноты. И так хочется, чтобы возникло некое подобие прозаического «заче», что, заставило бы всех забыть о чашках, диктофонах и окончательно растопило ледок отчужденности. Но тут уж дело в фантазии, которую, по-видимому, еще предстоит разбудить в наших «параллельных мирах».

Критика и объект ее иссле, доводя зачастую живут в каких-то параллельных мирах. Теоретики категорично утверждают, что им неинтересно читать малограмотные описи. Авторы же этих «описей» порой смотрят на конкретный спектакль лишь как на средство самоутверждения в печати. Те же, кто самоутверждается не желает, чувствуют свою унылую немощность не чужим пиру.

И все это от лукавого, что возмразил и понял МХАТ. Поскольку мы все-таки друг другу нужны. А кто знает, быть может, и вправду после этих «исследований» станет меньше взаимных обид, возникнут новые симпатии и придет самое главное — понимание.

И. АЛПАТОВА.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ Приключения француза в Казани

«Это моя любимая пьеса Эжена Лабша, — сказал французский театральный режиссер Кристоф Фэтри. — История о мушкетерах, полная сатире, вскрывающая механику их сознания...»

Герои французских водевилей заговорили по-татарски — в рамках Дней французской культуры в Казани с большим успехом прошла премьера спектакля «Станция Шамбод» по пьесе Лабша «Останова у воды», поставленного К. Фэтри на сцене Татарского академического театра имени Г. Камала. Режиссер работал в Казани не впервые: два года назад он поставил здесь мольеровского «Дон Жуана» в Русском театре имени В. И. Кеняшова.

Татарские актеры проявили к творчеству Лабша большой интерес — первый пьесы был сделан одним из актеров театра, в ассистент режиссера Ильдара Мухамбетгалеева сочинил стихотворные тексты для песен, очень украсивших этот веселый и остроумный спектакль, как и выполненная с режиссерским вкусом и знанием фактуры работа театрального художника Сергея Скоморохова. В декорациях и костюмах заметны и барочная пышность, и тонкая насмешливая ирония, а это ведь полностью соответствует сути французского водевиля, скрывающего за помпезным внешним блеском смелую и порочную сущность. Впрочем, острая сатира в постановке Кристофа Фэтри было ровно столько, чтобы не заслыть собою царящую в ней стихию беззаботного водевилейского веселья, и актеры с удовольствием погружались в нее, избирая оплотворенные всеядные зрелища, старые джентльменские с метрическими измерениями и молодыми, по-французски очаровательными авантюристами.

«Эта премьера — еще один шаг к сближению культур Франции, Татарстана и России», — сказал К. Фэтри. На премьеры в Казани присутствовали послы Франции в России Пьер Морель, советник по культуре Ролан Блеттман, а также аташе по культуре и директор Французского культурного центра в Москве Клод Круай.

Д. САВОСИН. ● Сценка из спектакля.

ПОЮЩЕ БРАТСТВО ВПОЛГОЛОСА, ЧТОБЫ СЛЫШНЕЕ...

«Одна на всех. Мы за ценное не постоим». Высокую цену заплатили они, радостные войны. Радость — и солдаты, и генералы. Ведь в один ряд встали, когда пришлось отстаивать Родину, ее будущее. «Для Вселенной двадцать лет мало». Да и пятьдесят летного, а для нас, солдат прошлой войны, — целая жизнь. Между тем, выросли их внуки, подрастает правнучка...

Мы часто и надсадоу принимаем к «сохранению преемственности поколений». Но, положив руку на сердце, так ли уж много оставили в ребячьих душах трескотни пионерских сборов «на тему»... А вот когда непромокло, вполголоса, тогда слышно...

Обо всем этом думала я, возвращаясь из маленького Сергиев Посада, где проходил Всероссийский фестиваль детской авторской песни, посвященный 50-летию Победы...

На сцену выходили мальчики и девочки 6-15 лет. Старшая участница немного младше тех ребят, что «стояли у веноката с бритыми навечно головами». Дети рассказывали о войне, аккомпанируя себе на гитарах, так, что мурашки по коже... Да откуда они все это знают, так чувствуют? Как будто это пшадцательные девочки, исполняющие «Вальс для солдатских вестей», сами только вчера проводили на фронт однокурсников. А вот тот «маленький трубочник» сам словно бы остался «в чужом краю, в траве некошеной»...

Большой зал Дворца культуры забит до отказа, много зрителей. Люди разных возрастов не стесняются слез. Кто-то стискивает губы, кто-то улыбается. И вот, когда начинается концерт, который благословил корифей бардовской песни Булат Окуджава, творческие участники в котором приняли участие известные барды, как Владимир Егоров и Александр Дулов, Владимир Турчинский и Александр Мирзоян, другие мастера...

За кулисами уже выступили ребята ансамбля Владимира Цыганова и Светланы Берлину, тоже с гитарами в руках, и, покачиваясь в такт, слушали тех, кто на сцене. Вот с ней-то, с Володой и Светой, все и началось. Корифей сергиевпосадцев, Цыганов не расставался с гитарой ни в школе, ни на заводе. Пел, сочинял, был преданым казачеством, ездит на фестивали самодельной песни. С одного из них привез Свету, тоненькую, как церковная свечечка, и такую же трепетную. Когда супруги поют дуэтом, дух захватывает. На их выступление в городе собралось много слушателей, молодежь, старшихклассники. В зале ребята нередко сидели с гитарами, подпевая любимым песням Окуджавы, Визбора, Высоцкого, Иличкина. Видно, какое дело, Цыганов решил организовать кружок самодельной песни в одной из школ. Со временем он превратился в Центр детско-юношеской авторской песни. Света с Володой учат ребят не столько правильным аккордам, сколько искренности, пониманию высокой поэзии, умению мыслить самостоятельно.

Едут в Сергиев Посад барды со всего района, в сергиевпосадские стали гостями других городов, участниками фестивалей. Причем: на «взрослых» фестивалях дети становятся лауреатами. Провести даже небольшой фестиваль по нынешним временам дело хлопотное и дорогое. В Сергиев Посад съезжались более двухсот молодых бардов со всей России. У городской администрации в преддверии золотого юбилея Победы забот было предостаточно. Но к ребятам отнеслись по-отечески. Поддержали и спонсоры, особенно не вдаваясь в подробности, на что пойдут деньги. А получились — не на что, а во имя чего. Во имя той самой связи поколений, когда в едином порыве старик и дети в зале и на сцене запели: «И значит, нам нужна одна Победа. Одна на всех. Мы за ценное не постоим».

М. ГРАНДОВА. «Маленький трубочник» Гитры Ведмедь.

Славомир Мрожек, классик польской литературы XX века, решил сыграть жестокую шутку со всеми, кто отважился ставить его последнюю пьесу «Любовь в Крыму». Укрывшись броней Бернской конвенции по авторскому праву, которую в марте 1995 года подписала и Россия, он запретил всем режиссерам на свете казнить бы то им было, даже минимальные изменения в тексте. Понятно, что для современного театра играть пьесу так, как она написана, — казнь эпидемиологическая. Но от зорких глаз литературных агентов Мрожека мало кому удалось спрятаться. И если скоро режиссер рискует взяться за постановку этой трагикомедии, он поставит над собой законы, не им созданные. Смирись, гордый человек!

Словом, Роман Козак, предлагая «Любовь в Крыму» для постановки МХАТу имени А.П. Чехова, знал, на что идет. Наверное, он понимал, что подлинную природу этой пьесы, полной вымысла и скрытых цитат на А.П. Чехова, М.А. Булгакова, Вл. Вл. Маяковского и др., включая репортажи масс-медиа последних лет, иронически иронизирует автором в некий «мета-сюжет» об истории чехов (С.Сазонтьев), козыряющей своей дружбой с Лопатинским, похож и на Шамарева из «Чаюнок», и на Лебедева из «Иванова». Он оказывается под каблучком у своей Матрены Васильевны Чельцовой (Н.Селезнева), которая из провинциальной мешковитки (тут и Голые Андрейки, и Наташу можно вспомнить) доразвиточной выделки превращается в русско-профессора заочного университета. Рудольф Рудольфович Волф (И.Золотович) может быть растолкован как некая реинкарнация Шарлотты Ивановны из «Вишневого сада» и как перематывающая к большевикам баронесса Тузенбах, воплотившая себя в труде. Ну и, наконец, Иван Николаевич Захаридис (А.Фелкста) — не то сам Чехов, не то доктор Дорн, не то Тригорин, не то Иванов, — знаменитый поэт, разведенный скандинавом, который был расстрелян Лениным (С.Шырева) на дружеской ноге. Сердцевед, испытывающий, похоже, безответное чувство к Татьяне Яковлевне Бородине (Д.Корзун), которая похожа на...

Надоело! Оставив в покое всю эту «угадку». Она увлекательна для образованных старшекласников, задыхающихся

КУДА ПОДАТЬСЯ СЕСТРАМ ПРОЗОРОВЫМ?..

чеховских судьбах России и, быть может, чужеземца как такового. Он не мог не ощутить, что первый акт, исполненный парадоксальной рефлексии по поводу чеховского пьесы и их героев в дореволюционной российской жизни, написан мастерски. Второй, иронизирующий над этим жанром персонажам, пристраивающимся к советской истории рубежа 20-30-х годов, умело и остроумно воспроизводит клише пьес Булгакова и Маяковского, для которых Чехов был раздражающим или необходимым собеседником. Наконец, третий, самый уязвимый, акт пьесы разрешает всю затею Мрожека через призму телевизионной банальности, о которых трудно говорить всерьез.

Только навный исследователь решит проверить Мрожека, что называется, на «правду жизни». Какая уж тут достоверность географии. Действие, похоже, происходит на южном берегу Крыма, может быть, даже в самой Ялте, море за окнами плещется, а сестры Прозоровы, о которых говорят персонажи, ездят то на вокзал, то с вокзала, так и не рискуя отправиться в Москву. Но, как известно, на вокзал в Ялте и по сей день попасть нельзя — железная дорога заканчивается в Симферополе.

Железнодорожный экскурс сделан для любителей правдоподобия, которые решат, что главная доблесть — это разгадать, что именно из персонажей чеховской сочиненной оказалась героем пьесы Мрожека. Польский классицизм лукав и избирателен. Петр Алексеевич Сейон (П.Белозеров) соединяет в себе черты Солонго и Тузенбаха, однако при этом бонусом до смерти отдает руку и сердце актрисе Лети Карповне Светловской (Е.Добровольская), то ли Ирине из «Трех сестер», то ли Ивине Заречной из «Чаюнок», которая готова распрощаться с любовью к театру и стать образцовой женой офицера из запущенного гарнизона. Александр Иванович Чель-

цезю (С.Сазонтьев), козыряющей своей дружбой с Лопатинским, похож и на Шамарева из «Чаюнок», и на Лебедева из «Иванова». Он оказывается под каблучком у своей Матрены Васильевны Чельцовой (Н.Селезнева), которая из провинциальной мешковитки (тут и Голые Андрейки, и Наташу можно вспомнить) доразвиточной выделки превращается в русско-профессора заочного университета. Рудольф Рудольфович Волф (И.Золотович) может быть растолкован как некая реинкарнация Шарлотты Ивановны из «Вишневого сада» и как перематывающая к большевикам баронесса Тузенбах, воплотившая себя в труде. Ну и, наконец, Иван Николаевич Захаридис (А.Фелкста) — не то сам Чехов, не то доктор Дорн, не то Тригорин, не то Иванов, — знаменитый поэт, разведенный скандинавом, который был расстрелян Лениным (С.Шырева) на дружеской ноге. Сердцевед, испытывающий, похоже, безответное чувство к Татьяне Яковлевне Бородине (Д.Корзун), которая похожа на...

Надоело! Оставив в покое всю эту «угадку». Она увлекательна для образованных старшекласников, задыхающихся

«Любовь в Крыму» Славомира Мрожека. МХАТ имени А.П. Чехова. Режиссер Роман Козак.

целью написать выпускное сочинение на тему «Вишневого сада» А.П. Чехова на трагикомедии С.Мрожека «Любовь в Крыму». Впрочем, Мрожек достаточно безжалостен — ему не спешно жаль тех, кто пытался «очеловечить разбой». Правда, в завершающем акте своей крымской трагикомедии польский драматург прожужжал память о российском поэту, поэтессе и писателе станинского ада. Но он с прежней иронией взирал на потопом крымских обитателей, которым не суждено вернуться в некогда славу историю солнечной империи, разрушенной большевистскими и постбольшевистскими экспериментами.

И хотя Славомир Мрожек самым жестоким образом запретил вторгаться в текст своей пьесы, любой режиссер, взявший ее в постановку, должен вынужденно отступить к замыслу автора: то ли довериться тексту, то ли опираться на него. Но при этом обличение российской интеллигенции, которая не смогла спасти страну, то ли взыскать к ней, хотя бы в известном смысле, опровергнув автору, литературно безупречному там, где он занимается эстетическими шарадами, и уязвимому во всем, что связано с глумлением, историческим смыслом подлинной истории, ускользающей из его версий.

Конечно, можно упрекнуть автора этих строк в полном отсутствии юмора, мол, Мрожек легкомысленно ухмылялся, сочинял веселую литературную игру, а его порыв упрекнуть в отсутствии иронии и беспартийности специализма, они словно заигнорированы советским Володяком. Принять условия игры можно, но отказать им без затей — весьма затруднительно. С.Мрожек кривит из Маяковского, Золенко и Булгакова, но рефлексия «эпохи канунов» живет в Иване Николаевиче Захаридисом и

ХОЧЕТСЯ

Георгий Тараторкин:

— Георгий Георгиевич! Существует мнение, что светское искусство — это самовражение художника, в то время как церковное — полное растворение званого творца в Высшей сущности. Согласны вы с таким противопоставлением? — Оно слишком прямолинейно. Произведение искусства не может быть безличным. Не только творение светского художника, но и каждая икона, каждый псалом тоже несут в себе что-то от личности создателя или исполнителя. Думаю, в истинном творчестве надо говорить не о самовражении, а о самопожирении. Разница существенная, особенно сейчас, после столетия лет мощного атеистического напора над душой. И вот это насилие начинает разрушаться. И уже само то, что ты перестаешь быть огодетельным атеистом, — первый шаг к стороне Бога. Дальнейшее движение в том же направлении — обращение к себе. И это далеко не всегда «вонзистую» эгоцентризм, тут спрашивается здоровый инстинкт самосохранения.

М. ШВЫДКОЙ.

— Это так. Но если во мне не было бы этого к этому переживания и если я не признаю самому себе в существовании этих таинственных моих духов, то насправа все мои предположения и надежды, что вы, сидя в зале, присоединитесь к собственным душевным тайнам. — Вспоминаю случай. Одна знакомая нашей семьи пришла на спектакль «Бесы» с цветами — захотела мне их подарить. И... не подарив: сказала, что увидев меня в роли Старого, узнала обо мне такое, что рука не поднялась. И это прекрасное. Значит, я сумел не только по-своему исследовать, эмо-

Ю. ДМИТРИЕВ.

— Да, и это было неожиданно для самого писателя, в котором часто говорят как о фантастическом реалисте. А его фантастический реализм это ведь не смесь реального с фантастикой. Я понимаю это как фантастическое неправдоподобие, которое на деле оказывается самой большой правдой... — Двадцать лет вы на сцене и украше в образе Родиона Раскольникова, десять — с Иваном Карамызовым, четвертый год — с Николаем Старогрином. Даже братьеве видения Ни на Карамызова ошарашивают не режиссерскую находку, а глубинной мукой души, которую чувствует Родион Истий. От исповеди Старогрина действительно стает кровь — а не

ОДЕССКАЯ МОЗАИКА ИХ ВЕЛИЧЕСТВО АРТИСТЫ

Повзело нынешней весной одесситам: два значительных события одно вслед за другим отметили они за короткое время — столетие со дня рождения великого одессита Леонид Осипович Утесов и присвоение Театру музыкальной комедии имени многолетнего его премьера, всеобщего любимца публики Михаила Водяного. Известны коллективы, носители имени драматургов: Федора Волкова в Ярославле, Михаила Щелкина в Белгороде, Николая Охлопкова в Иркутске, Марии Ермоловой в Москве; в театрах музыкальной комедии подобных примеров нет.

Итак, утесовский юбилей провели очень торжественно. Многие газеты и журналы, и местные пометили о нем материалы. В Москве, в Центральном концертном зале «Россия», в Эстрадном театре, в домах творческой интеллигенции состоялся вечер, посвященный артисту. Но то, что происходило в Одессе, кажется, ни с чем не сравнимо. Праздник открылся в Золотом зале знаменитого одесского Литературного музея. Здесь сразу привлекла внимание выставка, организованная Фондом Утесова, — интересные фотографии, фирмы, плакаты, рецензии. Руководителем Фонда — отец и сын Б. и Э. Амчиславские — главные заботы всех торжества.

Выступление на торжествах вице-премьера правительства Украины И.Кураса, заместителя председателя Одесского облисполкома Ю.Петренко и других ответственных лиц придало происходящему особую значительность. Естественно, были концерты в Большом зале филармонии в честь юбиляра и даже творческая конференция, ему посвященная (в Доме ученых). Много спорили о том, насколько оркестр, созданный Леонидом Осиповичем, отвечал требованиям подлинного джаза. Надо сказать, явность внес Олег Лудстрем, слышавший лучшие зарубежные коллективы: он авторитетно заявил, что и в начале своего существования Утесовский оркестр ни в чем не уступал лучшим зарубежным ансамблям. Еще одна «утесовская отсылка» осталась навсегда в городе: на доме, где родился великий артист, укреплены теперь мемориальные доски.

Да, умно одесситы чтить имени своего выдающегося земляка: доказательство тому — появившиеся на фронте Театра музыкальной комедии имя Михаила Водяного. Большинство одесситов согласилось, новое наименование театра закономерно. Теперь бы самой трупе оказывать на его стороне.

Михаил Григорьевич Водяной учился на отделении драматических актеров в Ленинградском институте театра, музыки и кино. И в оперетту, как сам говорил, попал случайно. Прозрешло это в 1946 году, когда он вступил в труппу Львовского театра музыкальной комедии.

В 1953 году произошел обмен между театрами городов Львова и Одессы: во Львов отправился Драматический театр Советской Армии, а в Одессу переехал Театр музыкальной комедии. Прибыл с театром и Водяной. И в Одессе к нему пришла больше чем известность — слава.

Сам артист так объяснял свою приверженность к оперетте. Это — «самостоятельный жанр искусства, очень сложный и своеобразный. Его своеобразие в снечетности

ХОЧЕТСЯ

Георгий Тараторкин:

— Георгий Георгиевич! Существует мнение, что светское искусство — это самовражение художника, в то время как церковное — полное растворение званого творца в Высшей сущности. Согласны вы с таким противопоставлением? — Оно слишком прямолинейно. Произведение искусства не может быть безличным. Не только творение светского художника, но и каждая икона, каждый псалом тоже несут в себе что-то от личности создателя или исполнителя. Думаю, в истинном творчестве надо говорить не о самовражении, а о самопожирении. Разница существенная, особенно сейчас, после столетия лет мощного атеистического напора над душой. И вот это насилие начинает разрушаться. И уже само то, что ты перестаешь быть огодетельным атеистом, — первый шаг к стороне Бога. Дальнейшее движение в том же направлении — обращение к себе. И это далеко не всегда «вонзистую» эгоцентризм, тут спрашивается здоровый инстинкт самосохранения.

ХОЧЕТСЯ

М. ШВЫДКОЙ.

— Это так. Но если во мне не было бы этого к этому переживания и если я не признаю самому себе в существовании этих таинственных моих духов, то насправа все мои предположения и надежды, что вы, сидя в зале, присоединитесь к собственным душевным тайнам. — Вспоминаю случай. Одна знакомая нашей семьи пришла на спектакль «Бесы» с цветами — захотела мне их подарить. И... не подарив: сказала, что увидев меня в роли Старого, узнала обо мне такое, что рука не поднялась. И это прекрасное. Значит, я сумел не только по-своему исследовать, эмо-

Ю. ДМИТРИЕВ.

— Да, и это было неожиданно для самого писателя, в котором часто говорят как о фантастическом реалисте. А его фантастический реализм это ведь не смесь реального с фантастикой. Я понимаю это как фантастическое неправдоподобие, которое на деле оказывается самой большой правдой... — Двадцать лет вы на сцене и украше в образе Родиона Раскольникова, десять — с Иваном Карамызовым, четвертый год — с Николаем Старогрином. Даже братьеве видения Ни на Карамызова ошарашивают не режиссерскую находку, а глубинной мукой души, которую чувствует Родион Истий. От исповеди Старогрина действительно стает кровь — а не

ХОЧЕТСЯ

— Георгий Георгиевич! Существует мнение, что светское искусство — это самовражение художника, в то время как церковное — полное растворение званого творца в Высшей сущности. Согласны вы с таким противопоставлением? — Оно слишком прямолинейно. Произведение искусства не может быть безличным. Не только творение светского художника, но и каждая икона, каждый псалом тоже несут в себе что-то от личности создателя или исполнителя. Думаю, в истинном творчестве надо говорить не о самовражении, а о самопожирении. Разница существенная, особенно сейчас, после столетия лет мощного атеистического напора над душой. И вот это насилие начинает разрушаться. И уже само то, что ты перестаешь быть огодетельным атеистом, — первый шаг к стороне Бога. Дальнейшее движение в том же направлении — обращение к себе. И это далеко не всегда «вонзистую» эгоцентризм, тут спрашивается здоровый инстинкт самосохранения.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ
Музыкой полна весна

Концерт по случаю национального праздника Нидерландов — Дня королевы — дал известной гагской симфонической коллективе «Резидент-оркестру» под управлением его главного дирижера, народного артиста СССР Евгения Светланова. В его исполнении адекватно прозвучали произведения Бетховена и Шуберта. Бетховенский концерт номер 1 исполнила лауреат многих международных конкурсов Бела Давыдович.

Программа нынешней музыкальной весны в Голландии включала выступлениями российских музыкантов, которые здесь знают и любят. Евгений Светланов завершает второй сезон в качестве главного дирижера «Резидент-оркестра» и недавно продлил контракт с этим коллективом до 1 сентября 1999 года. Как отмечают критики, под его руководством гагский оркестр заметно пополнился исполнительскими мастерами, приобрел новые краски звучания.

Еще один всенародно известный российский дирижер — Валерий Гергиев с 1 сентября станет главным дирижером Роттердамского филармонического оркестра (РФО) — одного из самых известных музыкальных коллективов Нидерландов. В. Гергиев будет выполнять свои функции по совместительству с работой в Мариинском театре в Санкт-Петербурге и выступлениями с другими коллективами. В Голландии его хорошо знают по гастролем. В конце апреля он дал два концерта в Амстердаме и Роттердаме. В исполнении Роттердамского филармонического оркестра под его управлением прозвучали произведения Мусоргского, Чайковского и Лядова.

Настоящим событием в музыкальной жизни Голландии стала серия концертов в конце апреля в Амстердаме, Утрехте, Гронингене. Квартета имени Бородина, который недавно отметил свое 50-летие. Этот удивительный коллектив познакомил слушателей с редко исполняемым здесь. Первым струнным квартетом Дмитрия Шостаковича, творчество которого очень близко музыкантам, и Третьим квартетом Бетховена. Голландские любители музыки с интересом познакомилась с произведениями молодых российских композиторов в исполнении Московского ансамбля современной музыки, который выступил в столице страны. Наряду с Сергеем Альфредом Шнитке прозвучали сочинения еще мало известных здесь Капырина, Тарнопольского, Каспарова и Щетинского.

Михалков — Городничий

В столицу Чехии прибыли известный российский кинорежиссер и актер Никита Михалков, а также режиссер Сергей Газаров. В течение предстоящих нескольких месяцев они будут работать над созданием нового полнометражного художественного фильма по мотивам комедии Гоголя «Ревизор», съемки которого пройдут в различных частях Чехии. Пробы в роли режиссера в чешской столице обеспечивает продюсерская фирма «Прага Интернешнл Фильм».

Версаль очарован русским художником

Выставка картин современного русского художника Георгия Шшикина открылась в Версальском дворце под Парижем. На открытии экспозиции присутствовали посол России во Франции Юрий Рижков, мэр города Версаля Андрэ Дамье, великая княгиня Леонида Георгиевна, представители дипломатического корпуса, актеры, художники, журналисты. Открывая выставку, мэр Версаля вручил художнику памятную медаль города и сказал: «Россия всегда производила на нас большое впечатление, магия ее культуры, богатство икон и золотых куполов удивительно сочетаются с девственной простотой и теплотой огромной земли... Все это зафиксировал художник Георгий Шшикин».

И. ШАМШИН. ПРАГА.

И. ИГНАТОВ. ПАРИЖ.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

ФЕСТИВАЛИ НА ПОРОГЕ КАННА

Российское кино на 48-м фестивале в Канне будет представлено в программе «Особый взгляд» фильмом Ивана Давыдовича «Музыка для декабря» и анимационной лентой Андрея Хрипачевского «Лес с седой бородой». Кроме того, известной итальянской кинематографисткой Тонино Гуэрра представят фильм «Время путешествия», который он сделал по «незданному» Андрею Тарковскому. Об этом сообщил на пресс-конференции президент Каннского фестиваля Жиль Жакоб. Этот самый авторитетный международный кинематографический форум пройдет с 17 по 28 мая.

НОВОСТИ СЕЗОНА ТАЙНА ГОЛОВЫ ГОЙИ

О Франсиско Голе рассказали в романах и пьесах. О нем сложены стихи и поэмы. Отдельные эпизоды его жизни запечатлены на полотнах. Поставлен даже балет о судьбе художника. Немногие жанры искусства ободили великого живописца своим вниманием. Вот только опера, пожалуй, еще не было. Эмилио Касанова, композитор из Аргентины, решил восполнить этот пробел. Он написал либретто и музыку к оперному спектаклю «Голова Голе», которая готовится к постановке в городе Саргосе, административном центре этой автономной области на севере страны.

М. КАЛМЫКОВ. ПАРИЖ.

А. ПАХОМОВ. А. МЕДВЕДЕНКО. МАНРИД.

УЛУЧШЕННОЕ «ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ»

Обновленный вариант бессмертной пьесы Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» вышел в видеодисках. Отдельно вытиснен компакт-диск с музыкой Сергея Прокофьева к фильму. Американцы получили возможность ознакомиться с этой картиной, взойдящей в сокровищницу мирового кинематографического искусства, благодаря кропотливой работе экспертов компании «Би-Эм-Джи» классика, использовавших новейшие компьютеры. Как сообщили корр. ИТАР-ТАСС в Нью-Йоркской штаб-квартире компании, музыкальное сопровождение к фильму было записано заново в исполнении Санкт-петербургского симфонического оркестра филармонии под управлением дирижера Юрия Темирканова. Специалисты — реставраторы удалось значительно улучшить качество изображения снятой в 1938 году ленты. Текст сопровождается субтитрами.

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

В Париже прошла премьера нового фильма Клода Лелуша «Отверженные» по роману Виктора Гюго с Бельмондо в роли Жана Вальжана. Зная творческие особенности этого режиссера, нетрудно было заранее предположить, что он не ограничится очередной адаптацией «абсолютно всех времен и народов», а придумает нечто свое, чисто лелушевское, экстраординарное. Так оно и случилось... Учитывая масштабы кинособытия, газета «Фигаро» посвятила ему сразу два материала: рецензию на фильм и интервью с самим автором ленты. Предлагаем вашему вниманию эти публикации.

ТРИ ЧАСА — КАК ОДНО МГНОВЕНИЕ

Вот уже полвека, начиная от Раймона Бернара и кончая Робертом Оссеином, кинематограф успешно эксплуатирует захватывающие приключения и сильные эмоции, которыми так богат роман, сочиненный славным павшей Гюго. Однако Клоду Лелушу пришла в голову оригинальная идея: спроецировать общезвестный сюжет в XX век, вывести его основные нити сразу на несколько поворотных моментов нашего столетия. Все происходит так, будто действие «Отвержен-

ных разыгрывается между двух зеркал, которые поочередно отражают его: раз, другой, третий. И так до бесконечности. В каждом новом отражении мы встречаемся с теми же знакомыми персонажами. Да и ситуация, в которых они попадают, во многом сложна. Однако всякий раз происходящее несет на себе глубокую печать той конкретной эпохи, в которую помещены герои Гюго, той исторической трагедии, участником которой они становятся. От эпизода к эпизоду меняются все: костюмы, мебель в домах, облики городов и дорог, наконец, оружие, которое воюют на войне. И только сами люди, как бы одетые, они ни носили, остаются верны себе. Разве что немного усовершенствовались с течением времени их цинизм и обострилась жажда наживы. Разве что и старым страхам добавились новые и стали пламеннее желания... С чисто дьявольской изобретательностью К. Лелуш разматывает нас в искусство расставленные сети. И мы не успеваем заметить, как известные персонажи — Жан Вальжан, супруги Тенарды, Жавер — становятся нашими современниками, отражая их, которых мы где-то и в наши дни встречаем, которые переживают те же события, что и довершая мучительно пережить и нам самим... Но при этом — вот ведь что самое удивительное! — душой и телом они ни на секунду не перестают принадлежать тому миру, который создал своим воображением Гюго!

1945 — 1995 ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ СЕРДЕЦ

«Волшебный фонарь» фотографировал события из потока истории на улицах, облепленных радостной толпой на пути следования королевского кортежа, то — следующая вспышка — лица юных британцев, вновь приравненных к своим сверстникам за их успешное участие. Мрачный сполз в тот день наконец стал обломком прошлого.

Да, словно под напором неудержимого ликования распахнулись все двери, и люди шагали по улицам, держа в руках флаги и транспаранты. Шагнули с порога дворов и бомбоубежища. Королевская чета и ученые детишки — в тот день никто не мог радоваться в одиночку.

Эти бесценные снимки, сделанные на улицах Лондона в мае 1945 года, сохраняются в архивах «Си-ю-эй пикичер» и были любезно предоставлены «Культур» посольством Великобритании в Москве.

А Лондон сегодняшний сделал все, чтобы память великих дней вновь наполнила сердца британцев теми музствами, что довелись испытать им самим, их отцам, матерям тогда, полвека назад.

Грандиозные празднования проходили с 6 по 8 мая. Часть знаменитого Гайд-парка была специально оборудована для праздничных мероприятий. Это парад и уличные танцы и веселые встречи. Каждый день праздника был отдан под посещение ветеранами, молодыми семьями, и проходил под звуки музыки военного времени.

На огромной арене, способной вместить 2500 человек, сменяли друг друга 8.000 артистов, выступавших, конечно же, бесплатно. В их числе были и ветераны войны — группа ветеранов, Илфр Ричард, Юзе Лемпир, Зейн Гейди. А также военный оркестр и группы детей, национальный молодежный балет.

В Гайд-парке работал специальный центр для ветеранов, где с помощью компьютерной базы данных каждый участник войны мог попытаться отыскать своих фронтовых друзей.

В соборе Святого Павла состоялся торжественный благодарственный молебен во славу мира и надежды. Затем прошла церемония возложения цветов. Ее участниками входили члены огромного глобуса с белым голубем на вершине — символа ООН — установленного в Гайд-парке. Глобус был сложен из множества цветов, доставленных из 50 стран.

А затем... Затем в сопровождении поющих детей, потомочек тех, кого вы видите на этих фотографиях, прошли маршем и военномасштабный духовой и струнный оркестры. Здесь они присоединились к ветеранам. И вместе с Клиффордом Ричардом, певицей Верой Линн — любимой фронтвинов — пели у дворца. Все было, как тогда, полвека назад. Только, почти так же...

Королевский кортеж на улицах Лондона.

Маленькие британцы на пороге бомбоубежища в Ватерси (Южный Лондон).

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Среди мероприятий, проводимых в Нью-Йорке по случаю 50-летия Победы над нацистской Германией, одно привлечло особое внимание. В постановочном представлении РФ при ООН открылась выставка пяти российско-американских художников с необычной, но сложной судьбой. Все они в самом начале войны попали в плен, были вывезены в Германию, после войны переехали в Соединенные Штаты, где стали известными художниками.

И только спустя полвека после победы при содействии Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при правительстве РФ с творчеством художников Сергея Голлербаха, братьев Михаила и Виктора Лазушкин, Владимира Одинокова и Владимира Шаталова начали знакомиться российские любители искусства.

Корр. ИТАР-ТАСС попросил С. Голлербаха поделиться воспоминаниями об этом периоде жизни длиной в 50 лет. Когда началась война, мне было 17 лет, рассказал художник. Я жил тогда в Пушкине под Ленинградом. Город был оккупирован немцами в сентябре, а в начале 1942 года немцы жителями, в том числе и мной, угнали в Германию. Я работал сначала в Заводской Пруссии на ферме, а потом в Секонии на заводе. В конце войны нас уже заставляли просто расчищать улицы от завалов в результате бомбежек.

В один прекрасный день на улице города Клинтенга, где в то время находился я со своими товарищами, появился танк. Когда открылся люк и из него выскочил негр, я понял, что нас освободили американцы. Я долго думал, возвращаться или нет на родину, но, поскольку наша семья была репрессирована после убийства Кирова, я решил, что это опасно и надо подождать. Американские оккупацион-

ные власти устроили биржу труда для иностранных рабочих, которые застряли в Германии. Мне повезло: меня принял художником в американский клуб, поскольку в период войны учился рисовать и уже что-то умел. Я делал наброски американских солдат, и им нравилось. Не до конца, но мне очень хорошо относились к нам, ставшая помощь, давали одежду. Позже я узнал, что в США существует «Толстовский фонд», организованный младшей дочерью Льва Николаевича — Александрой Бельюевой, который гарантировал крышу над головой и минимальное обеспечение с учетом того, когда призывной станет на ноги и начнет зарабатывать, он вернет свой долг фонду. Таким образом я очутился в Америке в 1949 году. Сначала я был простым рабочим, потом печатником, графиком, иллюстратором. При этом все время старался писать, выставлять свои картин-

ны. Наконец, пришло признание, меня приняли в члены Американской академии художников, в которой я преподавал 20 лет живописи. Вспомнина апрельские дни 1945 года, я чувствую глубокую благодарность союзникам, которые освободили Германию от фашизма и спасли мне жизнь. Для меня война завершилась 8 мая, когда Германия капитулировала, когда кончились налеты и обстрелы. Сегодня происходит мое возвращение на родину в российский миссии выставляются мои картины, сам я только что вернулся из Москвы, где встретился с друзьями детства. Я понял, что был, как статуя, в которой отбит нос, — но нос нашли и поставили. И я почувствовал себя полноценным человеком после встречи с родной спицей полвека.

«ОТВЕРЖЕННЫЕ»

Вовлекла зрителей в исторический круговорот, К. Лелуш «обрушивает» на них, не давая перевести дух, поток несравнимых по своей силе событийных кадров, большинство из которых, несомненно, войдет в антологический кинематограф. Назовем лишь некоторые из этих «хрестоматийных кусков», поставленных с образцовой тщательностью и вместе с тем сохраняющих неуловимое обаяние импровизации: бал при Наполеоне III; перемирие 1918 года, о котором солдаты узнают на линии фронта, бегство через горы Юра преследуемой нацистами еврейской семьей... Ни одной лишней секунды в этих впадинах и андантах. Здесь сама жизнь во всем ее накале, сама смерть со всей ее мгновенностью и неотвратимостью. Да, происходящее на экране малограмотно. Но это те драмы, которые человек переживает всем своим внутренним и которые навсегда остаются в его памяти.

Конечно, К. Лелуш не удавалось бы до такой степени «удаваться» зрителю, если бы не актеры, которые сообщают своим персонажам большую насыщенность и жизнелюбие. Мишель Прель в роли настоящих монахов, Жан Марс в роли священника, которому все известно о душах людей, Филипп Леотар в роли алчного французского фермера... Все исполнители великолепны. Но более на них достигают в своей игре буквально невиданный высот. Это Мишель Буэна, играющая преследуемого немцами

актера, и Жан-Поль Бельмондо, играющий Жана Вальжана. Никогда еще, кажется, этот актер не давал такого свободного выхода своей энергии и юмору, никогда не был так профессионален и вместе с тем поэтичен, как здесь... Мы проводим вместе с этими героями целых три часа. А пролетают они, словно одно мгновение. Что может служить лучшим отзывом о фильме!

Клод Лелуш: «Я НЕ ПРИНИМАЮ СЕБЯ ЗА ГЮГО...»

— Когда состоялась ваша первая встреча с «Отверженными»? — Это случилось в 1942 году, в поезд. Моя мать путешествовала со мной, имея на руках фальшивый паспорт, где стояла «чисто католическая фамилия». Подделка была некачественной. Во время проверки документов контро-

лер — это был не немец, а француз — сказал нам «прощайте». Он собрался нас арестовать. Мать отдала ему свои золотые часы. Он взял их и положил себе в карман. Мать воскликнула: «Настоящий Тенарды!» — А как она вам объяснила, что такой Тенарды? — Она просто сказала: «Это человек, для которого даже важнее новых людей. И всю ночь она рассказывала мне, приятному ребенку, содержимое романа. У нее было глубокое убеждение, что ни одному из французских писателей не удалось так объяснить судьбу человека, как Гюго. Она не переставала поражаться тому, что люди, подобные персонажам «Отверженных», могли встретиться в любые времена».

ПОСОЛЬСКАЯ СУББОТА

ПОРТРЕТ

Леди Фолл

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА — ОПОРА ВСЕЙ СТРАНЫ

Самые верные наши читатели, вероятно, помнят, что героиня рубрики «Посольская суббота» всегда была только дипломатом высшего ранга. Но еще ни разу мы не обращались к тем, кто делит сложности долгосрочных командировок и напряженное посланнической службы, — самым близким членам семьи. От их умения создать атмосферу сердечности и дружелюбия во время серьезных встреч так много зависит и в человеческих отношениях, и при рождении весомых политических решений. Мы с удовольствием изменим собственную традицию, чтобы рассказать об очаровательной женщине, а прошлым — хорошей актрисе, теперь играющей заметную роль в «отеплении» русско-британских отношений. Наша собеседница — леди Фолл, супруга посла Великобритании в России сэра Брайена Фолла.

Сэр Брайен Фолл и леди Фолл в посольстве.

Готовясь к разговору, мы уже знали, что леди Фолл посвящает много времени и сил благотворительной деятельности, особенно — в области здравоохранения. Что ее особенно волнует проблема материнства и здоровья детей. Нам рассказали, с какой лаской и заботливостью леди Фолл старается ободрить маленьких пациентов при посещении больницы.

При встрече с леди Фолл действительно чувствуется, что талантливый и искренний и сердечный общением она также надежна в полной мере.

Оправой беседы служил один из великолепных интерьеров бывшего особняка Павла Харитоненко на Софийской набережной.

— Леди Фолл, много времени и сил вы уделяете благотворительной деятельности, особенно в области медицины и помощи детям. Пожалуйста, расскажите об этой работе.

— С недавнего времени мы сотрудничаем с организацией, которая занимается гуманитарной помощью, прежде все-

го для детей. Сейчас она строит прачечную с современной технологией для 9-й городской больницы. Очень важно предотвратить инфекции у новорожденных. В этой акции большую помощь оказали городские власти.

Руководит благотворительным фондом помощи российским детям госпожа Кэролайн Крипс. Следующим этапом их работы должна стать учебная программа для подготовленных детей в школах и интернате. Часто деньги на лекарства или инструменты выделяет фонд «Нью-Хэви». Когда средства есть — наш советник по медицинским вопросам доктор Карпентер определяет, кому нужно помочь в первую очередь.

— Вы уже не первый раз в Москве и имеете возможность сравнить свои впечатления в разных странах с Россией?

— Впервые мы приехали в Москву в 1965 году. И вновь вернулись два с половиной года назад. Моя основная впечат-

ление — множество перемены во всех отношениях. Сейчас лучше, интереснее работать и общаться: люди стали более открытыми и дружелюбными. Раньше нас словно раздала какой-то занавес. Русские люди — очень интеллигентные, образованные. И прежде мне всегда было обидно: им всем приходилось носить маски. Теперь люди сбросили их и стали самими собой. Для меня в общении важнее всего искренность.

Я очень рада, что стали восстанавливаться и открываться церкви, что больше внимания уделяется историческим зданиям. И все же жаль, что в Москве не хватает чувства гражданской гордости и больше заботиться о Москве.

Еще одна радостная перемена — возможность свободно ездить по западным местам Подмосковья. Раньше в бывшие времена этого права как иностранки. И, конечно, замечательно, что в магазинах стало больше товаров.

— Леди Фолл, как вы оце-

ниваете современное состояние культурных связей между нашими странами?

— Контакты обязательно должны стать гораздо более интенсивными. Основная преграда для их развития — это, конечно, финансовые проблемы. Мы не имеем возможности пригласить в Россию хороших театр, скажем, Королевский Шеняровский. Хотя, как вы помните, во время недавнего визита Ее Величества королевы Елизаветы II в Москву приехало несколько театральных коллективов. Небольшой обмен, прежде всего — между театрами.

Британский совет в Москве в основном занимается обучением учителей, помощью школам. Это направление, конечно, и должно быть приоритетным, поскольку речь идет о детях. Совет организует также обучение и помощь для врачей, журналистов. Старается помочь нуждающимся детям.

И все же многие другие области культурных, в бы сказали шире — гуманитарных свя-

зей еще требуют определенного развития.

— Кто из представителей русской культуры, классической и современной, для вас наиболее близок и любим?

— Достоевский! В школе у меня был великолепный преподаватель по литературе. Это был человек, не обычной судьбой. До революции он работал с Керенским. Это он мне привнес любовь к русской литературе.

Жаль, что знание русского языка не позволяет смотреть театральные пьесы в оригинале. Но мы любим ходить в Большой театр — на балеты, оперы.

Своим детям мы всегда старались дать как можно больше в отношении театра, музыки. И когда мои дочери-близнецы приехали к нам на Рождество, воскресшие воспоминания детства в Большом театре — нули из до слез.

— Леди Фолл, мы знаем, что вы получили артистическое образование и работали в театре. Не могли бы вы рассказать об этом периоде своей жизни?

— Все началось с детства, в Америке. Моя мать была актрисой. Я многому научилась у нее.

Мы часто выступали вместе. Мама писала пьесы для нас двоих, и мы уезжали на двухнедельные гастроли по университетам, женским и молодежным клубам. Не время учебы в колледже, недалеко от Нью-Йорка, выступления, конечно, прекратились. Окончив его, я начала работать в более солидной театральной фирме, в системе «офф Бродвея». Но затем я встретила со своим будущим мужем, сотрудником МИД Великобритании, и с театром пришлось распрощаться. Дипломатическая и театральная карьера несомненно.

— Что бы вы хотели пожелать русской женщине?

— Должна сказать, что я чувствую свою душевную близость с русскими женщинами. Я заметила, что они, как правило, хорошие матери. Они милы и ухожены, и старатель-

но изучают науку «как быть красивой». Они умело подбирают цвета в одежде, их наряды оригинальны.

Русские женщины душевно сильны, у них очень стойкий характер. Они — основа всей страны. Пожелала бы я им, прежде всего — быть способными в большей степени контролировать свою жизнь. Не быть пассивными. Надо подумать о своем положении. Принимать большее участие в политике, управлении государством. Объединяться, потому что только совместно можно чего-то добиться, обрести власть.

Настойчивее заявлять о своих нуждах, в том числе и в области физического здоровья. Ведь сейчас трудные времена. Решить, конечно, медицинские проблемы, связанные с деторождением. Должны быть больницы в достаточном количестве, больше доступных контрацептивных средств и т. п.

Надо уметь за себя постоять. Не ждать, пока эти проблемы решат, — а может быть, и не решат, — мужчине. Если будешь только ждать — не дождешься.

— Как обстоит с этим дело в Англии? Умеют ли английские женщины постоять за себя?

— Пока, и сомнительно, у нас тоже не очень много женщин в политике и бизнесе. Женщины очень трудно быть сразу всем.

— Какие цветы этой весной чаще встречается во английской улице?

— Англичанки скорее предпочитают мягкие тона. Наверное, они больше соответствуют нашему климату: у нас мало солнца. Яркими красками чаще избивают южные страны, скажем, Италию.

В праздники английские дамы любят надевать больше нарядные шляпы, длинные платья. В Англии дамская мода — подчеркнуто женственная, в отличие, скажем, от Америки, где популярнее брюки.

В России женщины очень хорошо шьют. Они легко «схватывают» идеи и умело их воплощают. К королевскому визиту я шила себе здесь несколько нарядов, и очень ими довольна.

Беседу вел
ВЛАДИМИРЦЕВА.

Карлик-то он карлик...

«Когда, играя, я вдруг слышу в зале тихие насмешки, меня охватывает непередаваемое чувство обиды, — признается французский пианист Мишель Петруччани, популярный сегодня и в Америке, и в Европе. — Я знаю, что многие приходят на мои концерты, чтобы посмотреть на получеловека, а не наслаждаться музыкой...»

Есть две вещи, которые Мишель Петруччани не любит сыр и поездок.

Что касается сыра — он ему просто не нравится. О поездках же он говорит так: «Это чудовищно утомительно. Люди должны бы мне платить, собственно, не только за музыку, но и за выражение сил, которое я трачу во время этих поездок».

Родившись со страшной болезнью — размягчением костей, он практически не имел шансов выжить. Болезнь привела к тому, что он остался карликом, но она не отняла у него радости жизни, и в этом огромную роль сыграла музыка.

Фортепиано намного больше него, но это ему совсем не ме-

Прожил 13 лет в США, он выступал с великими мастерами, такими, как Джо Хендерсон, Ли Коннелл, Дэнз Гиллеспи, которые с большим удовольствием вспоминали о работе с ним.

Наконец, жители Германии получили возможность познакомиться с Петруччани. Регулярно принимает он участие в телевизионном шоу Робера Вильямса, ведущего которого в восторге от его игры. Концерт Петруччани, прошедший в Гамбурге, изумил публику. Два отделения по 45 минут соло на фортепиано — это он выдержал блестяще. «Я всегда борюсь», — говорит Петруччани, — особенно с инструментом».

Эта игра была борьба художника с самим собой тем не менее неизменно наполнена романтическим чувством, но иногда это ярость, выражаемая в таком бешеном темпе, что создается впечатление разламывания, разрушения фортепиано.

По материалам журнала «Шпигель» подготовила
Е. КАЛИСТРАТОВА.

● Мишель Петруччани.
Фото из журнала «Шпигель».

Первое знакомство произошло на аукционе «Сотби» в Монте-Карло в конце 1973 года. Продавался «бывающий Дягилев» — Лифарь. Все эти удивительные вещи редко собирают по всему свету, где он гастролировал со своей знаменитой труппой и где ему приходилось самому путешествовать. После его смерти наследство досталось Сергею Лифарю. Я купил на аукционе около сотни книг и среди них оказалась чрезвычайно редкая книга о море, изданная в России. Я, конечно, ничего тогда не знал о ее ценности.

Илья Зильберштейн — единственный человек, постоянно приезжавший тогда из России за границу и поисках русских исторических и художественных реликвий, получил специальную командировку, чтобы купить эту книгу. Но чтобы выехать из своей страны, он должен был получить разрешение — где-то в мире не было так просто, только в советском государстве. И он не смог поэтому вылететь вовремя.

Илья Зильберштейн попал на второй день продаж. Бросается в ужасе администратор: «Вы не знаете, продавая ли такую книгу? Мне непременно надо ее купить». Ему сказали, что уже нельзя, но ее новый владелец сидит в зале, и показав на меня, он подошел и заговорил с сильным акцентом по-французски. Я догадался, что он из России и ответил ему сразу по-русски. А он обрадовался и говорит:

МОИ ВСТРЕЧИ С ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ

Барон Фальц-Фейн вспоминает

— Голубчик мой! Неужели ты наш человек?

— Я не только ваш человек, но я вас люблю и очень переживаю, что в России все не ладится, все знают трудно, что невозможно никак с вами связаться и чем-то помочь. В особенности, я не могу добиться разрешения приехать в Россию, где жили мои предки, так как я же враг народа. Это сразу видно, правда?

Он засмеялся и говорит: — Будем потом шутить. Скажи, ты купил книгу: да или нет?

— Да, я купил.

— Голубчик мой, повесит меня, если я не привезу эту книгу в Россию. Не моя вина, но никто разбираться не будет. Ничего, тебя не повесит. Возьми эту книгу. Передай Ленинской библиотеке от русского, который остался патриотом, не забывая свою Родину, несмотря на то, что его семья выжила, имущество забрали, лишали подданства, убили бабушку...

Вот это был мой первый визит в дело возвращения русских вещей в Россию. Книжки из библиотеки Дягилева я

также передал вашей стране — в Киевскую академию наук. А теперь это уже другое государство.

Случилось это так. Президент академии академик Пятин, узнав, как умно мне привезли в Асканию-Нова в мой первый приезд на Родину, лично пригласил меня приехать снова. А так как я с лутыми руками никогда не приезжаю, я взял с собой книги и еще одну ценную историческую реликвию — позадний медальон с подвесочными из позолоченного серебра, принадлежавший Александру II. Книжки из коллекции Лифаря, родившегося в Киеве, попали на его родину. И мне приятно было это сделать, так как мои предки немцы. Фальц-Фейны жили на Украине, осваивали южные степи, разводили овец, лошадей, строили фабрики. Мой дядя Фридрих Фальц-Фейн основал знаменитый завод по производству обуви, который до сих пор существует. Он очень спешил, писал неразборчивым почерком. Его рукопись занимала целый медальон. Я общался моей маме, что труд дедушки не пропадет, и нашел одного русского старика, по-русски у него, старичка эту рукопись привел в порядок и отпечатал на машинке.

Помню, Зильберштейн при-

ехал по своим делам в Париж, и он умолял меня дать ему что-то ценное в руки, так как, если он вернется на родину ни с чем, его в следующий раз не пустят за границу. Я ему рассказал о мануарах моего дедушки, которые никто никогда не видел. Он очень обрадовался, поехал в Москву и передал в исторический архив. Там они уже много лет лежат непубликуемыми. Однажды я позвонил туда, понтересовался, могут ли они издать? Мне ответили, что они не могут так вещи печатать, что дедушка очень ругает большевиков, и надо подождать. И вот я жду — до сих пор. К счастью, им заинтересовалась редакция журнала «Наше наследие» и готовят их сейчас к печати.

Однажды Зильберштейн вместе с Владимиром Поповым, заместителем председателя Гостелерадио, приехали в Швейцарию — в Лозанну. Они хотели выкупить у Лифаря письма Пушкина и Натальи Гончаровой. Это было в 1986 году. Лифарь уже болел, но принял нас. Однако ничего из этого не вышло.

Эти письма стоили очень дорого. Один американец предлагал за них 1 миллион долларов. Серьезно был большим патриотом, он письма не продавал, несмотря на то, что очень нуждался в деньгах, но и отдавать Зильберштейну их не мог без согласия графини Алефельд, с которой он жил почти 30 лет. Она ухаживала за ним, оплачивала его расходы, и в благодушие за это он передал ей многие ценные письма и документы. Зильберштейн надеялся, что я помогу как-то это дело устроить, но Лифарь умер, и единственное, что было в моих силах, — уговорить графиню Алефельд не продавать письма Пушкина и Америку ради памяти Сергея. Как вы знаете, спустя несколько лет, при Горбачеве русское правительство купило эти письма за миллион долларов.

Илья Зильберштейн был большим коллекционером. Я тоже всю жизнь собираю русские реликвии, так что мой дом похож на музей. И мы очень часто с Ильей Зильберштейном обсуждали идею создания в Москве Музея личных коллекций. К сожалению, его уже нет в живых, но я с радостью узнал, что этот уникальный музей наконец построен и в нем разместились богатая коллекция Ильи Зильберштейна

Записала Надежда ДАНИЛЕВИЧ на вилле барона ФАЛЬЦ-ФЕЙНА Аскания-Нова в Княжестве Лихтенштейн.

ЖИВУТ СРЕДИ НАС

щедрые чашею... В общем, кино занимало мне детский сад и первый класс...

— Ну, а когда вы впервые прочли «Отверженных»?

— Сначала я все-таки посмотрела фильм по роману: экранизацию Раймона Бернара с Гарри Буэром, в роли Вальжана. Мне тогда было тринадцать лет. А в двадцать лет, когда я проходила службу в армии, меня канто раб за двое суток посадили в карцер за провинность. И вот тут-то я наконец прочла роман. После этого мне заветилось подробнее узнать биографию Гюго. Его идеи приобрели для меня еще большую убедительность, когда я понял, как сложно и напряженно жил он сам. Писатель стал для меня ориентиром в жизни.

— Но вы позволили себе большую волюнтаризм в отношении его произведений...

— Когда сюжет известен всем и каждому, он как бы некая прищипанная колбаска, которую можно поворачивать в любую сторону. Со всей любовью случило скромно, попытка представить себя в акурве то-

го Гюго, который родился бы не в 1802 году, а в 1895 году, то есть в то же самое время, что и французский кинематограф. И чтобы, чтобы повести людей истории «Отверженных», воспользовался бы средствами нового вида искусства. Но само то я не признаю себя за Гюго!

— И все же это, наверное, был очень дерзкий проект!

— Как-никак я поставил до этого 34 фильма и мог позволить себе бросить вызов... У меня была вполне определенная задача: показать, насколько теми, поставленными Гюго, сохраняют сегодня свою актуальность. Если бы люди умели внимательно читать его книги, они бы избежали страшных катастроф. В «Отверженных» почти столько же мудрости, сколько в Библии и в Торе. — Что касается ваших «Отверженных», то там, кроме всего прочего, невероятно много «случайных» совпадений. Это, кстати, тоже очень характерно для всех ваших книг.

— Да эти совпадения придуманы вовсе не мной, в самом Гюго. И вообще это из области высшей математики. Когда

встречаются два человека, это вовсе не случайность, а результат точного расчета, который нам с вами просто не дано проанализировать, или же произведи самими. Да, да, всякий раз, когда мы встречаем в жизни кого-то, это нам либо награда, либо наказание за что-то. Встреч просто так, без причины — никогда не бывает!

— Ваша собственная жизнь служит подтверждением этой теории?

— Конечно. А мои фильмы это отражают. В фильмах я стараюсь быть внимательным наблюдателем всего, что со мной случалось в жизни. Словом, я использую Лелуша как подопытного кролика.

— А вообще вы сильная личность?

— Я приписываю себя к разряду людей, которые умеют быстро справляться с наносимыми им ударами.

— Фильм дал вам возможность вернуться в родную Нормандию?

— Да, моя мама была коренной нормандкой, а отец алжирским евреем. Она приняла иудаизм из любви к отцу.

— То есть в фильме история несчастного Зима — еврей, пытающегося во время оккупации укрыться с семьей от немцев в горах Юра и оказавшегося в заточении у жидкого французского крестьянина, — это история ваших родителей?

— Да. Когда мать приняла иудаизм, соседние французы стали с ней разговаривать совершенно по-иному...

— Вам с самого начала было ясно, что Вальжана сыграет Бельмондо?

— Ну, разумеется. На нем держится весь фильм. Еще до того, как начать писать сценарий, я сказал ему: «Ты — Жан Вальжак. Мы с тобой будем снимать «Отверженных». И там будет много сценария. А он тогда спросил меня: «Неужели ты и вправду считаешь, что снимаешь этот роман, можно смеяться?». Да, если сравнить наш век с веком иудаизма, то великая новизна заключается как раз в юморе! Несчастье и беда остались все те же. Но сегодня люди над ними шутят... А вообще, если бы не Бельмондо, то я бы не смог снять этот фильм. Он ведь

согласился работать фактически без гонорара. То есть он что-то получил при условии, что фильм принесет прибыль. Жан Вальжак на его месте поступил бы точно так же.

— «Отверженные» — это как покерная версия, воплощение мечты... А что дальше?

— А дальше хотелось бы снять... еще две серии «Отверженных», доведя героев до 2000 года! Ну а потом я мечтаю сделать фильм, который при моей жизни не выйдет на экран. Ну неужели я не заслужил такого права и такого удовольствия: просто работать, просто снимать, не думая обо всех проблемах, связанных с проектом? Все свои деньги я собирался потратить на создание именно этой ленты, которую хочу оставить моим детям... В основу сценария легли те тысячи заметок на полях, которые я не перестаю делать на протяжении всей своей жизни — то есть вот уже 57 лет!

Материал подготовила
Елена КАРАСЕВА.

● Клод Лелуш во время съемок фильма.
Фото из газеты «Эгитар».

Клод Лелуш во время съемок фильма «Отверженные». Жан-Поль Бельмондо в роли Жана Вальжана (в центре).

Облик ПАРТНЕР — ЛЫСИНА

Внешность для актера — это его оружие. Юрий ШЕРШНЕВ хорошо знает, какой властью обладает зрительный образ. Его эпизодический список, прямо скажем, устремлен. Уже более 20 лет актер появляется на экране в образах неслыханных («Цыган»), палач («Три мушкетера»), режиссера («Маяковский»), бандита («Город Зеро») и др.

— Юрий Борисович, кто первый из режиссеров использовал вашу фактурную внешность?

— Борис Морозов. Это случилось в театре имени Станиславского. Забавно актер, исполнявший в его спектакле роль

старого спивающегося рабочего-правдолюбца. Борис Афанасьевич сказал мне тогда: «Юра, в твоим облике я усматриваю этого старого «моржа». Давай попробуем его сделать».

— Вы задумывались когда-нибудь над тем, какое впечатление производит на окружающих?

— Нет. Только когда исполнил ту или иную роль. Например, в сказке «Царевна-лягушка» я с большим удовольствием играл Овечьим Бессмертным, и мне очень помогает лысина. Однажды, когда я в очередной раз в черном плаще, с котами вышел на сцену, освещенную красным светом, то ядрол услышал, как в зале спорт два двенадцатилетних мальчика:

— Настоящий Кащей!..

— Не-ет, это актер.

— Настоящий!

— Это был самый лучший комплимент в моей жизни.

— На улице на вас обращают внимание?

— Да. Особенно после лысного карателя из фильма «Цыган». Миллионеры задерживают таможенники тоже сначала присматриваются, а потом узнают — артист... Приятно, когда зритель узнает. Но я считаю это дешевой популярностью.

— Как появилась ваша лысина?

— У меня с детства были не-

путьевые волосы. Я родился в 41-м году, много болел. А после войны настала пора, когда он совсем стал редеть. Однажды летом, в отпуске, я решил сбрить остатки своих волос. Вернулся в театр, и Эмилия Виторган сказала мне: «Юра, ты смелый человек...». На что я ответил: «Буллыжник — он и есть буллыжник. Зачем его скрывать?». Мне смешно и обидно, когда мужчины начинают зализывать или зачесывать лысину, как будто ее нет.

— Вы пытаетесь от нее избавиться?

— Нет.

— Часто случаются смешные или грустные истории, в которых участвует ваша лысина?

— Иногда радует шутки в достояние громадищу реческую в общественном месте. Все начинают смеяться, а в кому-нибудь неожиданно дарю ей. А вообще к лысине я отношусь равнодушно, как к своим рукам и ногам.

— Как вы думаете, именно внешность склоняет режиссера давать вам отрицательные роли?

— Голос и внешность — грубая, суровая. И потом — скандальный человек. С режиссерами всегда ругаюсь...

— Мне представляется, что вы легко работаете с режиссерами, потому что вы — актер со сложившимся имиджем.

— Мы тратим много времени только на то, чтобы понять друг друга. Поэтому я завидую музыкантам, у которых есть четкие технические определения: если дирижер говорит музыканту — «вы нечисто берете си-бемоль», то он сразу понимает и поправляется.

— Отражается ли репутация работы с людьми на ваших отношениях с людьми? Вы предпочитаете своим героям в жизни?

— Актер шаманит, когда кажется, что не может выйти из роли. Конечно, бывают патологические случаи.

— Я отрицательно отношусь к своим героям. И всегда не без труда «влезал» в роль. В «возражении Будалая» режиссер жаловался, что у меня слишком добрые глаза для этого рождизма. И чтобы в них появилась отголосок войны, он дал мне почитать жуткую книгу А. Адасовича «Каратели». Я настолько пропитался ждом предательства, что однажды чуть не убил свою жену, позадорив с ней.

— А как чувствовали себя в роли вальсера в картине «Ваша улыбка пахнет ладаном»?

— Этот персонаж мне симпатичен.

Наталья ПЕТРОВА. Фото В. Сиднева.

Встречи МАКАРЫЧ

Далеко за полночь в «Нику» зашел дядя Устронис в углу на стуле, никем не замеченный. Собрался в кабинет главного режиссера актерского пикетельской бригады было не до него. Все уже нарядно приключилось и теперь не слушать друг друга, что-то орал про русскую идею и кризис отечественного театра.

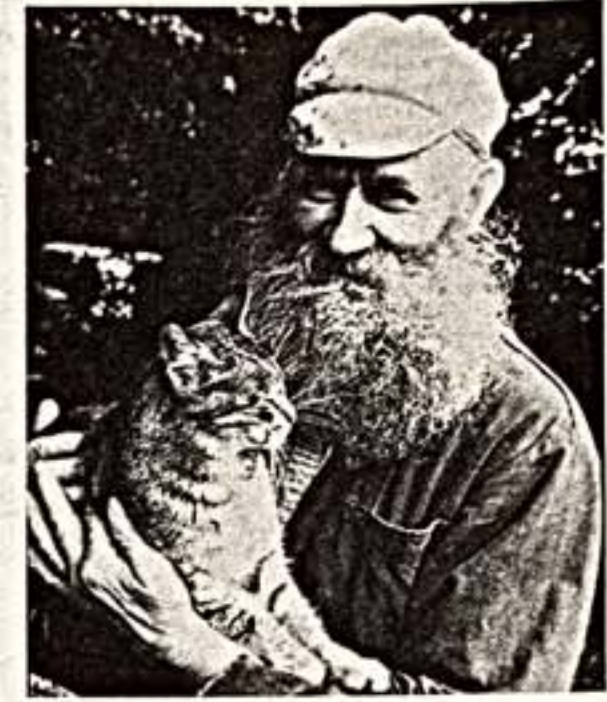
Дядя взял гитару и, потрясая в такт седой бородой, сыграл несколько песенок «битлз». Аборигены продолжали спорить. Завязные гости оторопели: исполнение было виртуозным. Дядя, довольный произведенным эффектом, крикнул: «Макарчины!». Потом нагнулся к углу и вынул из кармана несколько монет. Он крикнул, потом что-то на бже. Москвичи как застыли с открытыми ртами, так и оставались в этом дурацком виде. И закрыли их лишь после того, как дядя поставил выключатель в угол и, сказав: «Ну ладно, я пошел», удалился.

«Это кто?» — возопил гостик «Макарчины», — ответил хозяин.

Макарчины живет в общаге. Владеет зато доброй дюжиной инструментов. На жизнь зарабатывает тем, что отпевает православных покойников в единственной Небережно-Челюдинской церкви. Среди местных жителей известен не музыкальными способностями, а, в основном, шабрами соб-

ственного производства. Эта такая хитрая штука, с помощью которой можно мыть пол в глухой туалетной комнате, куда ни рукой, ни обычной дровяшкой не дотянуться. Своим непотоптаным шабрами Макарчины раздает всем, кто ему пригласится. Говорят, одну он послал в Англию Макарчины. Интересно, получил ли!

С. БЕДНОВ.

Макарчины и его друг по имени В. Лунинский. Фото В. Лунинский.

7 мая

— 250 лет со дня рождения чешского скрипача, исполнителя-виртуоза, дирижера и композитора Карела Филипа СТАМБИЦА (1745—1801).

— 181 — Это не первый и, надеюсь, не последний случай мощного проявления славянского духа в мировой культуре. Уж если он вылезает из мечтательной дремоты, то непременно — в основополагающие. Смыслы, вы знаменитой мангеймской школы, новатора симфонического жанра, ничего много и не оставилось...

— 155 лет со дня рождения композитора Петра ЧАЙКОВСКОГО (1840—1893).

— 155 лет со дня рождения украинского драматурга, актера, режиссера Марка КРОПЧИВКОГО (1840—1910).

— Певца Наталья РОЖДЕСТВЕНСКАЯ.

— 181 — На сцене, радио, с экраном все идет дивное оперно, в нем так божественно звучало моцартовское начало, как воплотилось оно вскоре в прекрасном смысле, дирижер!

— Скрипач Игорь БЕЗРОДНЫЙ (1930).

— Актер Леонид ДЯЧКОВ (1939).

8 мая

— Антриса Нинель МЫШКОВА.

— 9 мая

— 255 лет со дня рождения итальянского композитора Джованни ПАИЗЕЛЛО (1740—1816).

— Поэт и писатель Булат ОКУДЖАВА (1924).

— Актер Игорь ЛЕДОГОРОВ (1932).

10 мая

— 195 лет со дня рождения композитора Николая ТИТОВЫХ (1800—1875).

— 181 — Нимудрено и завлекать в обширном творческом наследии плодородного для отечественной культуры гения Титовых. Но если дане и не стоит забывать имени Николая Алексеевича «дедушки русского романа», то давайте называем его «дядей или «братом» него — ведь писали и Михаил Алексеевич и Николай Сергеевич... Словом, «под вечер осевая вет» настоящей красавицы — Пушкины — красавицы не прощались!

— 175 лет со дня рождения композитора, дирижера, скрипача Константина ЛЯДОВА (1820—1871).

— 80 лет со дня рождения художника Нинты ФАВОРСКОГО (1915—1941).

— 181 — Говорят, что Нинта Владимировна по силе таланта не уступила бы великому отцу. Он и не уступил: собрал друиру-художников — и в фронт. С нимидыя гострих имену датским пропавшей без вести судьбы, что и отливает подлинную графику от минимья.

— Французская актриса Марина ВЛАДИ.

— Актриса и режиссер Наталья БОНДАРЧУК.

— Итальянский сценарист и киорежиссер Этторе СКОЛА (1931).

11 мая

— 185 лет со дня рождения художника Григория ГАГАРИНА (1810—1893).

— 140 лет со дня рождения композитора, дирижера, педагога Антона ЛЯДОВА (1855—1914).

— 181 — Давне в Беловском кружке Анатолия Константиновича отличался радостной, живописной зрительностью своих произведений. В этом проявилась его родовая преданность истинной, народной музыкальной стезе славянства, которую просто кожей чувствуешь в его «Бесе-де», «Юнона» и другие музыкальные картины, обработанные русскими певцами...

— Актриса Жанна ПРОХОРЕНКО.

— Писатель, сценарист, режиссер Мансуд ИБРАГИМБЕКОВ (1935).

12 мая

— 240 лет со дня рождения итальянского скрипача и композитора Джованни Баттиста ВИОТТИ (1755—1824).

— 95 лет со дня рождения немецкой актрисы Елены ВАЙГЕЛЬ (1900—1971).

13 мая

— 155 лет со дня рождения французского писателя, театрального критика Альфонса ДОДЕ (1840—1897).

Эдуард ГРАФОВ.

Ностальгический концерт ВОСКРЕШЕНИЕ «АЛЛЕГРО»

Кто не знает или забыл: «Аллегро» — группа пианиста и композитора Николая Левинского — была одной из лучших в советском джазе конца 70-х — середины 80-х годов. Ладный джаз — энергетика школы Колтрейна плюс русский онолофолюрический материал [диск «Контрасты», 1979]. И в начале 80-х группа несколько «просветлела», став романтичным и мечтательным — явно не без влияния Чика Корна [диск «В этом мире», 1982]. Наконец, в середине 80-х в группе увеличилось число исполнителей на духовых, что — в сочетании с приемом «доброго вальса» — привело к плотности, насыщенности, многослойности звучания, порой — к почти бигбандовой фактуре [диск «Золотая середина», 1986].

Ну а потом пришла ниня времена. Играть джаз нинто уже не вышло, трудности подстерегали совершенно с другой стороны. Не без участия в результате большинство музыкантов группы перекочевало в Ленинку. Катаясь, что история ансамбля на этом закрыта.

То, что произошло на джазе в зале Дома композиторов, стало для большинства любителей джаза шоком: на Союздворе Штатах приехал ансамбль «Аллегро» Перед Москвой он успел сыграть в Петербурге, а затем должен был лететь в Новоузенск, чтобы выступить там на местном фестивале. А дальше — Англия, Франция, Бразилия, Пуэрто-Рико. И в итоге — участие в крупнейшем американском «Дом-Вин-Сис» фестивале в Нью-Йорке. Фантастика!

Итак «Аллегро». Американский ансамбль с русскими музыкантами. Играть джаз (бас, саксофон), Вячеслав Назаров (тромبون), Николай Левинский (пиано), Виктор Доскин (контрабас), Виктор Епанешников. В конце программы и программа присоединилась шестой исполнитель, истинно талантливый в самом первом составе 1978 года, трубочник Виктор Гусейнов.

Чем же отличался «Аллегро» от остальных? Музыкально — никак. Ходил, да-то в променадку между «Джамиссанджис» и саксетом Майлса Дэнса. Кстати, самая первая пьеса в концерте «Второй джаз» Левинского) как раз и была «Миссанджис». Ну а последние «Milestones» Дэнса. А вот «наполненная» стала совсем иным. Группу заметил «Литературный мир» — ушли была прозрачность, импрессионистичность «музыки и «джем», музыка стала жесткой, «музыкальной». Изменился и сам Левинский. Композиторская масштабность игры осталась, но фразы, линии, гармоничность «массива» стали более оттопленными. Очень живыми и разноманерными сегодняшний Бутман, умно и

Аркадий ПЕТРОВ.

Другая роль

Светлана Немолова и Александр Лазарев. Дома на кухне. 1995 г. Фото Г. Ровинского.

Трюкачи В «УТОПИИ»

Группа «Рил ту Рил» возобновила сцену недавно открывшегося клуба «Утопия» [Пушкинская площадь, первый этаж кинотеатра «Россия»].

Группа появилась на свет в 1993 году, когда судьба свела композитора и продюсера Эрика Морилло и нынешнего лидера группы Марка Кушан, уроженца Тринидада и Тобаго. Кушан, замычу, более известен как Мэд Стэнтин (Безумный Трюкач). Первый же сингл группы «Я люблю дингит» в этом прошлом году побывал на первых позициях американских и европейских хит-парадов. Такой успех объясним, вероятно, стилем музыки Морилло: синтез рэги, каллипсо, и — преравирующего — техно. Плюс

бешеная энергия Безумного Трюкача. Кстати, в концертах ему помогает миниатюрная Лизет Малдонадо, щеголющая в кожаных супер-мини.

На пресс-конференции, состоявшейся накануне концертов, Трюкач признался, что в жизни он больше всего любит женщин, что самое сильное впечатление, полученное в Москве, — посещение Мавзолея (любопытно, отразится ли это на творчестве группы и, таким образом, на современной танцевальной музыке), положительно относится к пиву.

Изначне говорит, что концерты группы прошли с успехом. Скрипящий автор сих строк, не будучи фанатом технотронной музыки, вынужден-

Е. А.

Данский порфиной ЛАУРЕАТ ЗОЛОТОГО НАПЕРСТКА

Московская весна нежданно-негаданно посылала сминую звали северный ветер. Поэтому аналитический комментарий к презентации в высшем обществе оленды французской фирмы Луи Феро выглядел неудачно. Но слово «Шехеразада» (название ресторана, где должно было состояться действие) вышло блестящим в сознании, и там котилось празднично!

«Очертательные русские девушки показывали туалеты от фаро. Зрители восхищенно анимали, вышвыривая персона «Шехеразада» делал вид, что облизывает своим обязанностями.

Первый Дом моды Луи Феро открылся в 1955 году в Кане. Год спустя его идентичности становится Бринит Бардо и Элизабет Тейлор. С тех пор он принадлежит избранному кругу 25 самых известных моделей мира. Дважды отмеченный Золотым — наместником — наградами, он получил признание по значению и премии «Оскар» среди дизайнеров одежды.

Луи Феро любил жизнь, людей, красивые вещи. Своей задачей он считал воплощать эту радость жизни в моде. Его модели особенно отличаются обильной краской и постоянно возобновляемой связью с реальностью. А еще он рисует. Он пишет книги. Он философствует о жизни. Но прежде всего Луи Феро — дизайнер моды, он создает моду, которая делает женщин еще красивее.

«Золотой «Шехеразада» продемонстрировала большую коллекцию прет-а-порте (одежда, выпускаемая в связи с модой, вытиснула реакцию влияния нитяную. Намини думалось: ведь как! Просто! Добраво! Как выгнать! Каксно. Ну, что ж, и дорого (истати, в Москве открывался первый Луи Феро-бутик, то есть магазин, салон на Петровских линиях), а вот сшить по выкройкам французской моды — это изобретательные женщины вполне по силам.

О. ГОРШКОВ. Фото Г. Ровинского.

Да толькo будущее не вернуть

Пожалуй, ни один из домов творческой интеллигенции не обаят туманом легенд так, как Центральный Дом литераторов. Но, как ни странно, никому до сих пор в голову не пришло казать о нем подобную «легендарную» книгу. Уж она-то могла бы стать поистине прелестным чтением.

И вот ставле! Благодаря Галине Мексинской, Натальи Познанской и Лазарю Лазареву. Не впадая в безумие молчаливости, я все-таки хотел бы отметить, что книга (сборник воспоминаний «Дом на две улицы», РИК «Культура») составлена с таким солидным и всецели, все стили, своим твир бытия этого Дома, что создается полный впечатление некоего восторга над всей книгой. Ну, скажем, так: создается ощущение неторопливого, последовательного, хорошо осмысленного повествования. Эта книга вполне могла бы называться «Ежевосье о доме на две улицы».

Так и тает соответственно пошутить: нет повести печальнее на свете, что ж, не без того! Этот некогда крошечный домик много значил. Для многих мистерий объема его не хватало. Скажем, чтобы вписать все, жалькая растопил «Литературно-Москву», пришлось снести зал в гостинице «Советская». Потому что мест в писательском клубе было мало, а между ними располагать было много. А уж для распырав мел Борисом Леонидовичем Пестеряком и вовсе довелось арендовать огромное помещение Дома кино. Но даже оно оказалось тесным. Уж очень много желающих пришло.

Немало печальей знал этот Дом. Но кто старое (или новое) помнит? Все-то в этой книге! Больше всего помню о добром, о ласковом, чутки ли интересно. Видимо, не без влияния ее составителей. Впрочем, у всех любящих составителей бы и не менее любящий предшественник — заслуженный клуб Михаил Афанасьевич Булгаков. Знаний толк и в мнере ресторане тогдашнего клуба, и в мнере его тогдашних посетителей. Он

Закулисье

во всем деле и доверью сиропуленно изложил все это в своем интересном романе. Но, во-первых, сиропуленно во не значит всесторонне. А во-вторых, отголоски клубов, а нинче ему исполнилось уже 60 лет. И за это время кое-что происходило и произошло. О чем и речь в предлагаемой книге.

Все легенды и легендарности в самом клубе давным-давно нузую увещаваны, а вот на бумагу, это последнее приближение писателя, как-то пристроены не были. И поэтому не все читатели о них могут знать. А им ведь, конечно, интересно. Удовольствие же в какой-то мере их любопытство.

Главное занятие засветователя клуба — это справлять свои юбилеи. А меж юбилеев сообщать друг другу нетленные мысли.

Что самое удивительно, мысли подчас бывают дей-

Да толькo будущее не вернуть

ствительно нетленны. Но что еще более поразительно, юбилей в этом Доме не всегда выглядит глупо. Например, на празднестве веселого человека Наума Либковской другой веселый человек Иосиф Прут обрушил благодарность: «Наум Либковский перевел Остапе Вишню с малороссийского на все менее российский. Спасибо ему за это». При этом оба захохотали до упаду.

А в променадках между юбилеями говорили, как я уже докладывал, нетленные мысли. Александр Галич: «Вечные павены у меня нет. Плохие погибнут от безвестности, хорошие — от слишком частого употребления». Эмиль Кроткий (после творческого вечера в переполненном Большом зале): «Я порешил. Неужели меня интереснее рассматривать, чем читать?». Николай Эрдман (о мечте пробить острую коледию): «Пробить еще нельзя, но мечтать уже можно». Миха-

Да толькo будущее не вернуть

ил Зошенко: «Я так трудно жил на этом свете, что с умом думаю: а вдруг есть жизнь и на том свете!».

Надо сказать, главной достопримечательностью Дома были отнюдь не писатели. Главной достопримечательностью, почти что экспонатами, были совсем иные люди.

Безусловно, антикварной реликвией Дома на протяжении долгих лет наблюдался парикмахер Моисей Михайлович Маргулис. Это его прощито-вал президент США Франклин Делано Рузвельт «как правый» сказал один московский парикмахер, главное в этой войне — выжить!». Вас часто цитируют американские президенты!

Однако Моисей Михайлович был равнее и чужой славы. Ираклий Андроников любил рассказывать смешную историю про Ария Давидовича Ротничкого. На что Моисей Михайлович сказал: «Что это

Ираклий так старается для Арии! Между прочим, в это время через день и два раза в месяц стригу. А Ария пока его ни разу не позорил!».

Но теперь вам надо понять, кто такой был Ария. Некого Ария Давидовича Ротничкого возглавлял делегацию московских студентов-медиков на парижском Льева Толстого. Видно, это прозвало на него некое судбоносное впечатление. То есть всю последующую жизнь он занимался в Литфонде похороном писателя.

А знаменитый «вышибала» Аркадий Семанович Бродский! Он не пуская в клуб посторонних, усмирлял пьяных дебоширов, удалял девац определенных нравов. И при этом был ростоком, как говорится в народе, «метр с кепкой». Это именно он не стал пускать в ЦДЛ человека, который назывался Миклоном. «Может, вас зовут еще и Анастасом Ивановичем!» — сардонически захо-

УЧРЕДИТЕЛИ — РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «КУЛЬТУРА», ФОНД «ДЕМОКРАТИЯ»
Главный редактор А. А. Белая.
Редакционная коллегия: С. Н. Беднов (зам. главного редактора), Г. М. Дубасов (первый зам. главного редактора), Н. Г. Каминская, Г. М. Кондратьев (экономический директор), А. С. Махаров, И. Е. Медовой, Г. И. Терехова (отв. секретарь), Р. В. Черный.

НАШ АДРЕС:
101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73.

ТЕЛЕФОНЫ:
для справок — 214-60-31.
Отдел рекламы — 285-26-48, факс: 285-78-48.

Издатель — издательство «Пресса», Типография издательства «Пресса», ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции.
Индекс 50126. Тираж 35000 экз. Тип. № 12031.